

Дж. Р. Р. Толкин

БРАТСТВО КОЛЬЦА

Первая часть
«Властелина Колец»

Иллюстрации Дениса Гордеева

Властелин Колец (иллюстрированные издания)

Джон Толкин

Братство кольца

«Издательство АСТ»

1954

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4 Вел)-44

Толкин Д. Р.

Братство кольца / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ»,
1954 — (Властелин Колец (иллюстрированные издания))

ISBN 978-5-17-081802-0

Трилогия «Властелин Колец» – одна из тех великих книг, встреча с которыми становится Событием. Эпическая красота повествования, вечная тема борьбы Добра и Зла, большой подвиг маленького героя и, самое главное, – тот фантастический и вместе с тем удивительно реальный мир, в котором хочется остаться навсегда. Издание, которое вы держите в руках, выполненное в переводе Владимира Грушецкого и Наталии Григорьевой и оформленное знаменитым художником Денисом Гордеевым, – не просто книга на все времена, не просто культовое фэнтези от одного из самых известных писателей, но произведение искусства, сочетающее в себе волшебство слова и рисунка.

УДК 821.111-313.2

ББК 84(4 Вел)-44

ISBN 978-5-17-081802-0

© Толкин Д. Р., 1954

© Издательство АСТ, 1954

Содержание

Пролог	9
I. О хоббитах	9
II. О трубочном зелье	14
III. Устройство Шира	15
IV. История находки кольца	17
V. О летописях Шира	21
Книга I	23
Глава I	23
Глава II	40
Глава III	58
Глава IV	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джон Толкин

Братство кольца

J.R.R Tolkien

The Lord of the rings. The Fellowship of the Ring

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

The Fellowship of the Ring © The Trustees of The J.R.R.Tolkien, 1967
Settlement 1954, 1966

© Перевод Н. Григорьева, В. Грушецкий

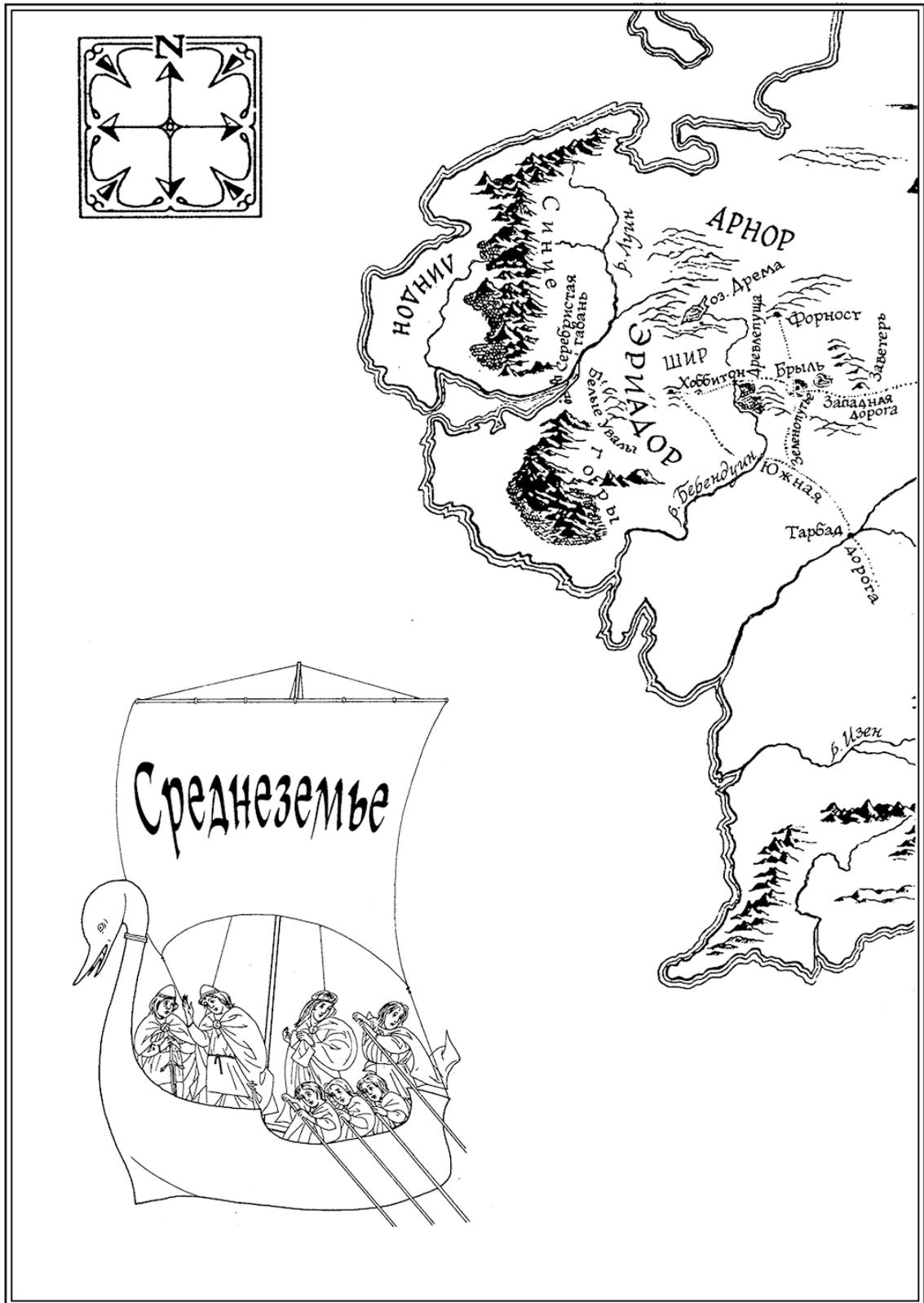
© Перевод стихов И. Гриншпун

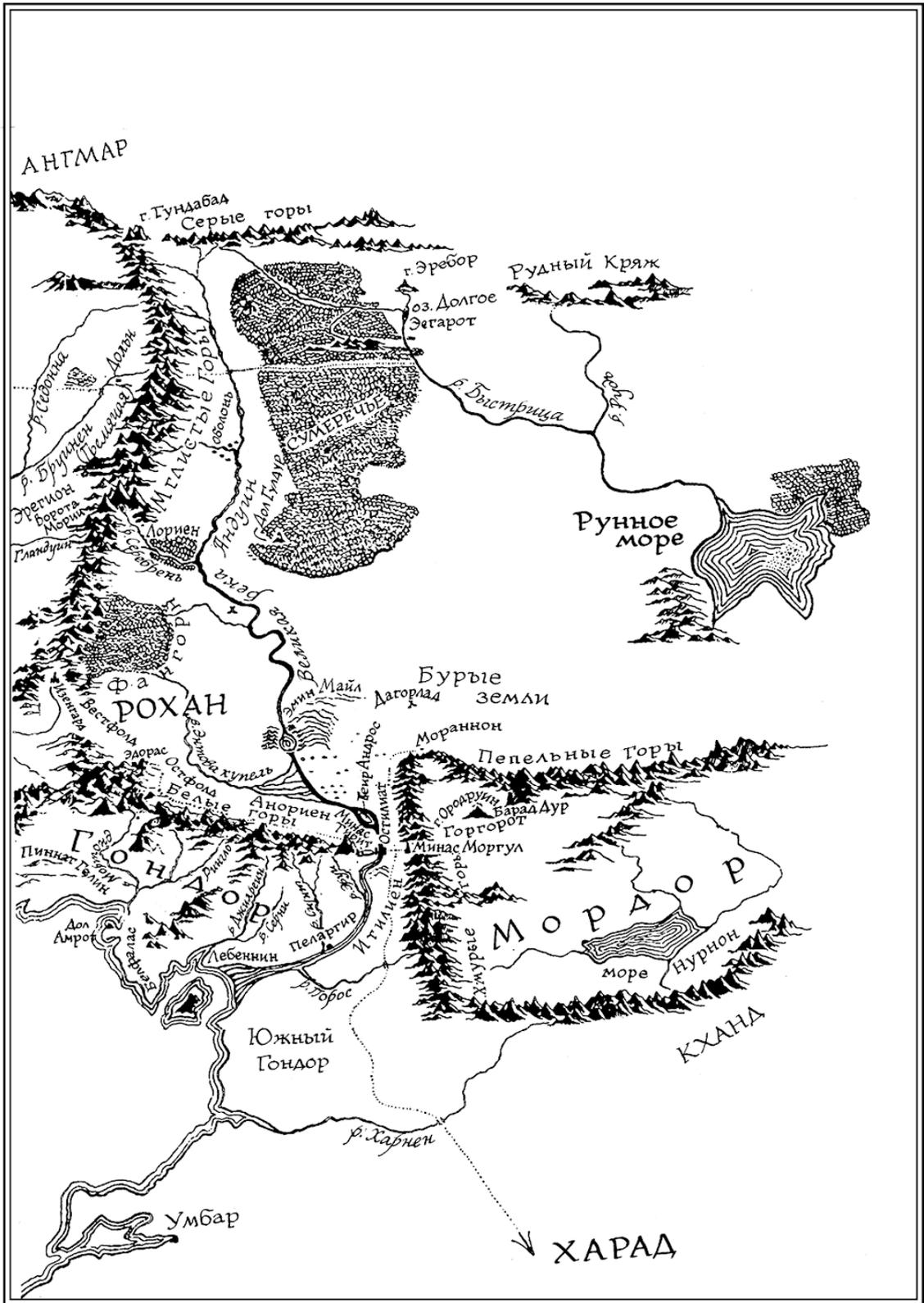
© Художественное оформление, иллюстрации Д. Гордеев

© ООО «Издательство «АСТ»

* * *

Мри-эльфийская владыка в подвездный предел
Семь-дзя знаков, царства в подгорном просторе
Девять-смертных, чей выберет срок и уда.

И одно-Властелину на чёрном трестоле

В Мордоре, где вековечная тьма:

Умоды всех отыскать, боёмно созвать

И единою чёрною волей сковать

В Мордоре, где вековечная тьма

Пролог

I. О хоббитах

В книге речь пойдет в основном о хоббитах. Читатель узнает немало и о них, и об их истории, а коли захочет узнать больше, пусть заглянет в Алую Книгу Западного Крома. Кое-что из нее уже публиковалось в книжке «Хоббит» – это начальные главы, написанные знаменитым на весь мир Бильбо, первым по-настоящему прославившимся хоббитом. Он назвал эти фрагменты «Туда и Обратно», потому что повествуют они о путешествии на Восток и возвращении в родные места, а главное – о Приключении, которое повлекло за собой величайшие события Эпохи, во многом изменившие, конечно, и жизнь хоббитов. Об этих событиях и пойдет рассказ.

Многие читали «Хоббита», многие, да не все, поэтому в нашей книге не обойтись без основных сведений об этом замечательном народе, да заодно уж надо напомнить и о самом Приключении.

Хоббиты – народ неприметный, но древний, в прошлом весьма многочисленный. В том, что их стало меньше, нет ничего удивительного, если учесть стремление хоббитов к мирной жизни и любовь к ухоженной земле. Самое милое дело для них – тщательно и заботливо возделанные поле или садик. Есть и всякие приспособления, но только те, без которых не обойтись, – кузнечные мехи, водяные мельницы да ручные ткацкие станки – других они не признают и не держат.

Нас они издавна звали Верзилами и сторонились, предпочитая не связываться. Сейчас встретить хоббита – большая редкость: слух у них чуткий, зрение – острое, а движения проворные и ловкие, несмотря на склонность к полноте и стремление к покою. Издавна владели они умением исчезать бесшумно и бесследно, едва заслышав издали спотыкающуюся поступь какого-нибудь Верзилы. И так это у них ловко получалось, что люди стали поговаривать о волшебстве. На самом деле ни с какой магией хоббиты, конечно, не знали, а неуловимостью своей обязаны были исключительно мастерству, основанному на бережном отношении к традициям, большой практике и близкой дружбе с землей, что для неуклюжих Больших народов и несвойственно, и непонятно.

Хоббиты – народ маленький, ростом чуть поменьше Гномов, и не такие кряжистые, конечно. По нашим меркам – фута три-четыре в вышину. Сейчас-то и трехфутовые – редкость, а в давние дни, конечно, бывали и повыше. Из Алой Книги можно узнать, например, о Бандобрасе Туке, сыне Изенгрима Второго, – был он четырех с половиной футов ростом и мог ездить на лошади. Только два героя древности превосходили его ростом, но о них речь впереди.

Хоббиты, населявшие Шир во дни мира и благоденствия, были веселым народом, одевались в яркие цвета (больше всего любили желтое и зеленое), а обувались редко – подошвы у них были что твоя подметка, и ноги (книзу в особенности) покрывал густой курчавый волос (как, впрочем, и головы), чаще всего шатеновой масти. Само собой, сапожное ремесло у хоббитов не в почете, а вообще-то народ они умелый и здорово мастерят всякие мелкие штуки. Красавцами хоббитов не назовешь, а вот добродушия им не занимать: круглолицые, краснощекие, рот в любой момент готов разулыбаться до ушей, если, конечно, нет более важных занятий: завтрака там или обеда. Вот уж в этом хоббиты знают толк, в «поесть-попить» душу вкладывают, могут за стол и по шести раз на день усаживаться – было бы что на стол поставить. Гостеприимство у них в обычае, подарки дарят с легкой душой и принимают с радостью.

Совершенно понятно: хоть и разошлись мы с ними за долгие века, но они нам родня, куда ближе Эльфов или тех же Гномов. И язык у нас с хоббитами общий был, и любили-ненавидели мы с ними примерно одно и то же. Но где, в каком колене это родство – теперь уже не вспомнишь. В незапамятной древности затерялись корни хоббитов. О том времени помнят Эльфы, но их предания ограничиваются эльфийской историей. В них и люди-то упоминаются мимоходом, а о хоббитах и вовсе ничего нет. Как бы там ни было, а хоббиты жили себе потихоньку в Среднеземье еще задолго до того, как остальные народы заметили их. Оно и понятно: в мире без счета всяких странных созданий, до хоббитов ли тут! Но во дни Бильбо и его племянника Фродо все вдруг изменилось: хоббиты, без всякого на то желанья, стали важными, знаменитыми и заставили думать о себе Мудрых и Великих.

Те Дни Третьей Эпохи Среднеземья давно канули в прошлое, даже очертания материков с тех пор изменились, но хоббиты и посейчас живут там, где тогда жили: на северо-западе Древнего Мира, к востоку от Моря. Откуда пришли в эти края их предки, никто не помнил уже во времена Бильбо. Не хоббитам хвастать любовью к отвлеченным знаниям (кроме генеалогии, пожалуй), но в некоторых знатных домах все же читали старинные летописи и даже добавляли к ним кое-что услышанное от Эльфов, Гномов или от Людей. Собственные хоббитские хроники начинаются с прихода в Шир, и самые древние легенды не заглядывают в прошлое дальше Дней Скитаний. Однако, если внимательно присмотреться к этим легендам, к характерным словечкам и обычаям, станет ясно, что Хоббиты, как и другие известные народы Среднеземья, переселялись с востока на запад. Их самые первые предания относятся, видимо, к тому периоду, когда они жили в верховьях Андуина, между окраиной Ясного Бора и Мглистыми Горами. Достоверно неизвестно, какая причина побудила их предпринять долгий и опасный переход через горы в Эриадор. Сами Хоббиты жаловались на Людей, которых-де, стало слишком много, а иногда упоминали Тень, превратившую Ясный Бор в Сумеречье.

Еще до того, как началось переселение, существовало три хоббитчих рода-племени: Мохноноги – посмуглее, поменьше других ростом, но и попроворнее, – предпочитали холмы и взгорья; Хваты – большерукие и крепконогие, кряжистой других хоббитов, – населяли равнины и речные долины; ну а светлокотые и светловолосые, высокие и гибкие Лесовики, само собой, всем прочим местам предпочитали лесные дебри.

В давние времена Мохноноги долго жили в предгорьях и водились с Гномами. Они раньше других двинулись на Запад и добрались уже до Заветери, когда остальные еще только собирались в путь. Они-то и есть самые взаправдашние Хоббиты и по числу, и по верности старым обычаям селиться кучно в норах и пещерах.

Хваты надолго задержались на берегах Великой Реки и там близко сошлись с Людьми. На Запад Хваты двинулись после Мохноногов и выбрали путь вниз по течению Гремячей на юг, где и обосновались надолго между Тарбадом и дунгарскими землями, прежде чем снова сняться с места и уйти на север.

Лесовиков-северян и во все-то времена было немного. Ходили они в друзьях у Эльфов и, видно, от Дивного Народа переняли способность к языкам и пенью, а вот в ремеслах не преуспели. Поэтому в старину они предпочитали охоту земледелию. Стронувшись с места, Лесовики пересекли горы севернее Дольна, а затем спустились по течению Седонны и вскоре смешались в Эриадоре с родичами, пришедшими раньше их. Отчаянные и неугомонные, они часто становились вождями в кланах Мохноногов и Хватов. Даже во времена Бильбо крепкие корни Лесовиков питали уважаемые роды Туков и хозяев Заскочья.

На западных землях Эриадора, между Мглистыми и Синими Горами, хоббиты общались и с людьми, и с эльфами. Здесь еще можно было встретить дунаданов, королей Людей, пришедших из-за Моря, с Заокраинного Запада, а теперь быстро терявших влияние и вынужденных наблюдать, как земли некогда могучего Северного Княжества приходят в запустение. Для хоббитов свободного места оказалось предостаточно, и пришельцы начали обживать новые земли. Конечно, ко времени Бильбо многие из этих первых поселений исчезли без следа, многие, но не все. Вот, например, Брыль уцелел, хотя и уменьшился существенно. Располагалась эта деревня в Чагром Бору, милях в сорока восточнее Ширы.

Видимо, ко дням первых поселений относится знакомство хоббитов с письменностью. Учителями были, конечно, дунаданы, перенявшие, в свою очередь, искусство письма от эльфов. Древние языки постепенно забылись, и хоббиты говорили на Вестроне – Всеобщем языке, распространенном от Арнора до Гондора и от Белфаласа до Линдона, однако некоторые свои словечки все же сохранили, особенно в именах и названиях дней и месяцев.

Переселение на Запад дало начало хоббитскому летосчислению. Исторические хроники начинаются с путешествия, предпринятого в 1601 году Третьей Эпохи братьями Марчо и Бланко. Заручившись ленной грамотой у великого князя в Форносте¹, братья во главе великого множества хоббитов пересекли по Мосту Каменных Луков темноводный Берендуин и обосновались между рекой и Дальними Холмами. Земли были дарованы им в обмен на обязательство присматривать за мостами и дорогами и всячески содействовать княжским гонцам.

Вот с этого момента и начинаются хроники Ширы – год перехода через Брендидуин (так хоббиты на свой манер стали звать реку) стал Первым Годом, и дальше летосчисление велось от этой даты². Новый край полюбился западным хоббитам, и вскоре они вторично исчезли из истории Людей и Эльфов. Хоббиты сами избирали своих правителей, интересовались только своими делами и ни в какие события внешнего мира не вмешивались. Правда, на последнюю битву с Чародеем из Ангмара они, по их собственным словам, послали в Форност отряд лучников, но ни в одной из хроник Людей об этом нет ни слова. Вскоре после той войны пришел конец Северному Княжеству. Теперь хоббиты и вовсе считали страну своей собственной. Правитель стал зваться Таном, и к нему перешла вся власть, принадлежавшая раньше князю. После Темной Чумы (в 37 году) около тысячи лет край не тревожили ни войны, ни другие стихийные бедствия. Хоббиты множились и процветали вплоть до самой Долгой Зимы и последующего за ней голода, унесшего тысячи жизней. Но ко времени нашей истории Дни Смертной Напасти (1158–1160 гг. по летоисчислению Ширы) давным-давно стали историей и канули в прошлое, а хоббиты снова успели привыкнуть к благоденствию. Когда-то здешние земли славились как богатейшие княжеские уголья. Долгий отдых перед приходом хоббитов пошел им только на пользу, и плодородие страны казалось неиссякаемым.

Страна эта протянулась на 40 миль от Лисьих Ложков до Брендидуинского Моста и на 50 миль – от западных взгорий до болот на юге. Хоббиты звали страну Широм, правил ею Тан, сообразуясь со здравым смыслом, и трудолюбивое население без устали обихаживало свой

¹ Судя по гондорским хроникам, это был Аргелеб, двадцатый князь Арнора, из рода северных князей, прервавшегося спустя три сотни лет, после Арведуи. – *Примеч. авт.*

² Например, годы Третьей Эпохи по счету эльфов и дунаданов можно вычислить, прибавляя к году по летосчислению Ширы число 1600.

уютный закоулок Большого Мира, словно ничего другого на свете не существовало. Мало-помалу хоббиты стали считать, что и во всем остальном Среднеземье царят мир да покой и любой достойный народ имеет полное право на обеспеченную жизнь. Об Охранителях, чьими трудами так долго поддерживался благодатный уклад Ширы, хоббиты то ли запомнили, то ли не хотели думать. Они находились под защитой, но почему это так и кто взял на себя сей труд, не понимали.

Воинственностью хоббиты не отличались никогда. Конечно, в древние времена, в суровом тогдашнем мире, приходилось и им братья за оружие, но ко дням Бильбо воспоминания об этом сохранились только в редких преданиях. Первая и последняя битва, случившаяся возле самых границ Ширы, стала достоянием седой истории, но в Хрониках упоминалась: то было сражение на Зеленых Полях в 1147 году, когда Бандобрас Тук отразил нападение орков. С годами даже климат в стране стал мягче, а волки, хлынувшие сюда с севера в годы Долгой Зимы, сохранились только в бабушкиных сказках. Правда, кое-какое оружие в Шире имелось: место ему было отведено над каминами и на стенках гостиных, а некоторая часть хранилась в музее, звавшемся Маттом Домом. Словечко *маттом* обозначало у хоббитов то, что в общем-то и не нужно, а выбросить жалко. Немало *маттомов* было и в домах, часто они переходили из рук в руки в качестве подарков.

Как ни странно, долгое благоденствие ничуть не повлияло на поразительную стойкость хоббитов к невзгодам. Это был крепкий народ, способный терпеливо переносить лишения и беды. Такое свойство неизменно приводило в недоумение всякого, не способного увидеть суть за румяными рожицами и солидными животиками добродушных обитателей Ширы. Чтобы вызвать в хоббите гнев, надо было очень постараться; никто никогда не убивал здесь животных ради забавы, но при необходимости ловкие хоббиты руки вполне могли управиться и с оружием. Лучниками, например, они были прекрасными, а зверушки, шаставшие по садам и огородам, усвоили твердо – если уж хоббит нагнулся за камнем, лучше немедля убраться с глаз долой.

Поначалу все хоббиты жили в норах (надо сказать, они и до сих пор чувствуют себя уютней всего именно в норах), но со временем жильё стало разнообразней. Уже при Бильбо древних обычаев позволяли себе придерживаться только самые богатые и самые бедные семьи. Последние рыли норы с единственным окошком или вовсе без него, а зажиточных простое рытьё, конечно, не устраивало, и они создавали под землей настоящие хоромы (их называли *смеалами*) со множеством переходов и залов. Для такого жилья требовалось подходящее место, которое не вдруг найдешь, поэтому на равнинах и в низинах хоббиты стали строиться на поверхности. Вслед за тем и в холмистой местности, даже в исконных норных областях – в Хоббитоне, в Тукборо, в Микорыте на Белых Увалах, – появились во множестве деревянные, каменные и кирпичные дома. Селился в них все больше мастеровой люд – мельники, кузнецы, каретники. Вскоре и при богатых норах появились наземные постройки – сараи, мастерские.

Обычай строить усадьбы и амбары пошел от жителей Марей. Здесь, в Восточной Чети, жили степенные, крупные хоббиты, в сыкотную погоду разгуливавшие в гномьих башмаках. Конечно, они вели свое происхождение от Хватов, на это указывала короткая поросьль у многих на подбородках. Ни у Мохноногов, ни у Лесовиков никакого намека на бороду и в помине не было. На самом деле жители Марей и Заскочья – поселения на восточном берегу реки – пришли в Шир позже остальных откуда-то с юга и принесли с собой немало чудных имен и странных словечек, нигде больше в Шире не встречавшихся.

Вполне вероятно, что дома хоббиты научились строить у дунаданов, а то и прямо у *тех*, Первых Эльфов. Ведь ко времени нашей истории еще не все Высокие Эльфы покинули Среднеземье; их поселения встречались и в Серебристой Гавани, и в других местах, не так уж далеко от Ширы. Сразу за болотами стояли с незапамятных времен три эльфийские башни – две поближе,

одна – самая высокая – подалее на зеленом холме. Лунными ночами их странный мерцающий свет был виден издалека. Хоббиты Западной Чети поговаривали, что с вершины башни на холме можно увидеть Море, но, насколько известно, ни один из них туда не лазал. Да и то сказать, к Морю хоббитов не тянуло. Мало кто из них бывал на побережье, а таких, чтобы вернулись и рассказали – и того меньше. Что-то у хоббитов с водой не ладилось: и речки особенной любви не вызывали, а уж чтобы по ним в лодках или так плавать – это и вовсе не про них!

Раз башни стояли так недалеко, значит, когда-то эльфы были у хоббитов в соседях, но время шло и отношение к ним со стороны хоббитов почему-то менялось от добрососедского до настороженно-недоверчивого. Слово «Море» постепенно приобрело зловещий, загробный оттенок, и про башни на западных холмах хоббиты постарались забыть.

От кого бы ни позаимствовали хоббиты навыки в строительстве, башен они не строили. Наоборот, предпочитали дома низкие, длинные, удобные. Самые первые из них были теми же самыми *смеалами*, крытыми соломой или дерном, со сводчатыми стенами, лишь немного приподнимающимися над землей. Со временем хоббиты переняли кое-какие секреты и строительные приспособления у Гномов, кое-что и сами сообразили, и постройки в Шире стали куда более разнообразными. Неизменным осталось только пристрастие к круглым дверям и окнам.

И дома, и норы в Шире всегда были большими, рассчитанными на многочисленные хоббитские семьи (холостяки Бильбо и Фродо были здесь редчайшим исключением, ну так у них и других странностей хватало – чего стоила одна только дружба с эльфами!). Иногда, как в Смеалищах Туков или у Брендискоков в Брендинорье, в наследственном поместье более или менее мирно уживались много поколений родичей. Родством хоббиты дорожат необыкновенно. С величайшей тщательностью рисуются во многих семьях сложнейшие фамильные древа, и всякий, кто имеет дело с этим народом, должен точно знать, кто с кем в родстве и в каком. Здесь мы не рискнем приводить эти запутанные схемы, но в конце Алой Книги Западного Крома есть еще одна небольшая как бы самостоятельная часть, которую все, кроме хоббитов, нашли бы невероятно скучной. Она содержит именно генеалогические древа многих хоббитских родов. Ее-то, пожалуй, чаще всего и читают хоббиты, предпочитающие всей другой литературе что-нибудь хорошо знакомое, четкое, ясное и без всяких там сложных противоречий.

III. О трубочном зелье

Говоря о прежних днях хоббитов, надо упомянуть об одной удивительной привычке, усвоенной этим народом давно и прочно: они с помощью трубок из дерева или глины вдыхают и выдыхают дым от тлеющих высушенных листьев растения, известного под названием «трубочного зелья», или просто «листьев». Похоже, это какая-то разновидность табака. Происхождение обычая или, как говорят сами хоббиты, «искусства» курения теперь уже не установишь. Все, что было известно по этому поводу, собрано и сведено воедино Мериадоком Брендиском (позднее – хозяином Заскочья) в трактате «Травник Шира». И табак, и Мериадок родом из Южной Чети, и тот и другой упоминаются в нашем повествовании, поэтому стоит обратить внимание на вступление к «Травнику».

«Это искусство, – пишет почтенный Мериадок, – мы смело можем считать своим собственным изобретением. Трудно сказать, когда впервые изо рта и ноздрей хоббитов пошел дым. Во всех легендах и семейных преданиях табак упомянут. За многие века в качестве набивки трубок перепробовали множество разных трав – и едких, и сладковатых на вкус. Но все летописи отводят первенство в выращивании настоящего трубочного зелья Тобольду Дудкинсу из Долгой Долины в Южной Чети, а было это во дни Изенгрима Второго, около 1070 года по счету Шира. С тех пор все лучшие сорта поступают именно оттуда: и «Лист Долгой Долины», и «Старый Тоби», и «Южная Звезда».

Никто не знает, как Старый Тоби нашел табак, и сам он до последнего дня никому об этом не рассказывал. Путешествовал он немного, вряд ли ходил дальше Брыля, но о травах знал все. Вполне возможно, что именно в Брыле Тоби и узнал о табаке. Во всяком случае, сейчас он растет там на любом южном склоне. Конечно, брыльские хоббиты считают себя первыми курильщиками, но их послушать, так они во всем впереди Шира. Хотя насчет табака они, похоже, правы. Верно и то, что к Гномам трубочное зелье пришло через Брыль. А потом уж втянулись и другие народы – Следопыты, Маги и прочие, которые до сих пор ходят взад-вперед через древний перекресток. Таким образом, центр этого искусства определяется достоверно – корчма «Резвый Пони», которую с незапамятных времен содержит семья Маслютиков.

Однако мне не раз приходилось путешествовать на юг, и я пришел к выводу, что табак не всегда рос на землях Шира. К нам на север он пришел из низовий Андуина, а туда попал в свое время из-за Моря вместе с Людью Запада. В Гондоре его сколько угодно, там он выше и гуще. Разводят его ради запаха цветов. За века, прошедшие со времен Элендила, табак по Зеленопутью добрался до севера и обосновался в теплых защищенных местах, подобных Долгой Долине. Но хоть в Гондоре и начали разводить табак немного раньше, набить им трубки первыми догадались хоббиты. Маги, и те переняли искусство курения от нас. Правда, один из моих знакомых магов утверждал, что владеет этим искусством давным-давно, и в это можно поверить: курит он так же здорово, как и все остальное делает».

III. Устройство Ши́ра

Шир состоит из четырех четвертей, или Четей: Северной, Южной, Восточной и Западной. Каждая из них содержит, в свою очередь, множество областей, поселений и местечек, чаще всего носящих имена родов, некогда обитавших на этих землях. Почти все Туки жили или живут в своих Тукгорах, а вот о Сумниксах или Умниксах этого не скажешь. Восточные и западные окраины составляли отдельные, не входящие в Чети области. Заскочье и Западный Кром вошли в состав Ши́ра в 1462 году.

В то время никакого «правительства» в Шире не было. Каждый род занимался своими делами, сводившимися в основном к тому, чтобы вырастить, а потом съесть еду, и дела эти занимали практически все время. Жители Ши́ра скупостью не страдали, обходились тем, что имели, и ради богатства из кожи вон не лезли. Наверное, поэтому небольшие фермы, маленькие мастерские и лавчонки оставались неизменными на памяти многих поколений обитателей Ши́ра.

Воспоминание о княжеской власти в Форносте еще жило в народе, хотя князя не было уже без малого тысячу лет, а развалины Форноста (или Северины, как называли его хоббиты) давно заросли буйными травами. Ощущая себя живущими в настоящем государстве, хоббиты с пренебрежением относятся ко всяким диким народам и прочим тварям (вроде троллей), живущим «без царя в голове». Все свои проверенные временем Правила (так хоббиты называют те немногие законы, по которым живет Шир) они приписывают князю и соблюдают неукоснительно.

Среди знатных хоббитских родов испокон веку выделялся род Туков; еще лет триста назад булава Тана перешла к нему от Староскоков, и с тех пор каждый новый старейшина Туков неизменно принимал этот титул. Он созывал сходы и считался воеводой ширской дружины и хоббитского ополчения, но нужды в них не возникало уже так давно, что танство постепенно превратилось просто в почетное звание. Уважение Тукам приносили более весомые вещи: многочисленность, богатство и целый ряд выдающихся родичей, обладавших в равной мере и сильным характером, и склонностью к авантюрам. Правда, всяких приключений в Шире не любили – морока с ними сплошная, – но Тукам прощали, а старейшину Туков величали не иначе, как полным именем (вообще-то употреблявшимся в Шире редко) с добавлением числительного при необходимости, – например, Изенгрим Второй.

В ту пору, о которой пойдет речь, единственным представителем власти был мэ́р Микорыта (и всего Ши́ра). Его избирали на Вольной Ярмарке в Белых Увалах, проводившейся каждые семь лет в середине лета. Первейшей (и чуть ли не единственной) обязанностью мэ́ра было присутствие на пирах по случаю праздников (а в них недостатка никогда не было). Заодно мэ́р исполнял обязанности Почтмейстера и Первого Ширрифа (что-то вроде начальника полиции). Но если почтовая служба еще требовала некоторых хлопот, – хоббиты, владеющие грамотой, без конца писали своим родственникам, друзьям и знакомым, жившим дальше полутора послеобеденных прогулок, – то ширрифам делать было попросту нечего. Единственным признаком формы для них являлось перо на шляпе, а полицейские функции сводились к розыску заблудившегося скота да разбирательствам из-за потрав, в коих повинен был все тот же скот. На всю Управу Благочиния вполне хватало двенадцати ширрифов – по три на каждую Четь. На границах их требовалось больше. Там они, что называется, «околачивали» – присматривали за всякими «околотнями», большими и маленькими, чтобы не досаждали.

Как раз когда начиналась эта история, околотней развелось великое множество. Посыпались сообщения и жалобы на всяких разумных и неразумных чужаков, наводнивших Приграничье. А уж это – первейший признак неблагополучия: все не так, как следовало бы и как всегда было. Правда, большинство хоббитов и ухом не вело, даже Бильбо не задумался над

тем, что сулят эти события. Шестьдесят лет минуло с тех пор, как он вернулся из Путешествия. Даже по хоббитским меркам возраст его считался весьма преклонным, ведь едва ли половина хоббитов справляет свое столетие. Но как бы там ни было, а Бильбо жил себе да жил, и, надо заметить, жил безбедно; видно, от богатства, обретенного в странствиях, кое-что еще оставалось. Что привез, да что истратил, да сколько осталось – про то он никому не рассказывал, даже любимому племяннику Фродо. И найденное кольцо по-прежнему хранил в тайне.

IV. История находки кольца

«Хоббите» рассказано, как в один прекрасный день у дверей Бильбо появился могучий Маг Гэндальф Серый и с ним – тринадцать гномов, а именно: сам Торин Дубоцит, гном царского рода в изгнании, со товарищи. И в этой компании Бильбо, к своему немалому удивлению, апрельским утром 1341 года по ширскому счету отправился в путь, добывать сокровища Подгорных Королей, которые гномы потеряли где-то под Эребором. Предприятие завершилось успешно, дракона при сокровищах удалось извести; но, хотя было совершено немало подвигов, а в Битве Пяти Воинств пал Торин, в долгих хрониках Третьей Эпохи великие эти события заняли бы всего несколько строчек, если бы не «случай» в пути. В Мглистых Горах на путников напали орки, и отставший Бильбо заплутал в подгорных лабиринтах. Там в темноте он нашарил на камнях кольцо и положил в карман. Тогда находка показалась ему просто маленькой удачей.

В поисках выхода Бильбо спускался все глубже, к корням гор, пока наконец не забрел в тупик. Дальше хода не было. Здесь, навсегда скрытое от всякого света, лежало вечно спокойное озерцо, посредине которого жил на острове Горлум – маленькое отвратительное создание. В крошечной лодочке, больше похожей на корыто, гребя широкими лапами, пляясь в темноте огромными, бледно-мерцающими глазами, он шастал по озеру, ловил слепую от рождения рыбу и пожирал живьем. Впрочем, он не был привередлив: удавалось без особенных хлопот словить орка – годился и орк. Горлум владел сокровищем. Давным-давно, когда он жил еще на свету, к нему попало кольцо, золотое кольцо, делавшее своего обладателя невидимым. Ничего, никого и никогда Горлум не любил так, как это странное украшение. Он называл кольцо «моя прелесть», разговаривал с ним, даже если не носил при себе. Когда не надо было охотиться, выслеживать орков, он хранил свое сокровище в укромной ямке на островке.

Будь кольцо при нем, он не задумываясь напал бы на Бильбо, как только встретил его. Но именно в этот момент кольца у Горлума не оказалось, зато хоббит сжимал в руке острый эльфийский клинок. Стремясь выиграть время и отвлечь внимание, Горлум предложил Бильбо поиграть в загадки, поставив на кон обещание показать дорогу к выходу против жизни хоббита, которому в случае проигрыша предстояло пойти на обед Горлumu. У Бильбо не было выбора: он окончательно заблудился и совершенно не представлял, куда идти. Пришлось соглашаться. Они загадали друг другу немало загадок, и в конце концов Бильбо повезло. Мучительно придумывая очередную загадку, он нащупал в кармане незнакомый предмет и машинально воскликнул: «Что это у меня в кармане?», а Горлум, приняв вопрос за загадку, не смог отгадать с трех раз.

Мастера старинной игры расходятся во мнениях, можно ли считать такой вопрос загадкой, но все признают, что если уж Горлум принялся отвечать и ответил три раза, все было честно и проигрыш требовал уплаты. Бильбо настаивал на выполнении условий, но втайне подозревал со стороны скользкой твари подвох, хотя обещания, данные в подобных условиях, во все времена и у всех народов соблюдались свято, и только самые распоследние злыдни рисковали нарушать их. Однако именно таким злыднем и стал Горлум за долгие годы, проведенные во мраке, наедине с кольцом. Он замыслил черное предательство, оставил Бильбо и бросился на свой островок за кольцом. Он изрядно проголодался, злился из-за проигрыша и, будь с ним «его прелесть», свернул бы хоббиту шею, не посмотрев на оружие.

Но кольца на островке не было. Горлум потерял его. Оно ушло. От жуткого визга Горлума, обнаружившего пропажу, у Бильбо волосы встали дыбом, хоть он, конечно, не понял, в чем дело. Зато Горлум, правда с запозданием, нашел ответ на загадку. «Что там у него в карманах?» – зашипел он, и бледные глаза запылали во мраке зеленым пламенем. Одно желание легко читалось в них: вернуться, немедленно прикончить хоббита и отыскать «свою прелесть». Бильбо едва успел заметить опасность и метнулся прочь от воды. Ему снова повезло: на бегу он

сунул руку в карман, и кольцо словно само скользнуло ему на палец. Горлум промчался мимо, не заметив хоббита, он спешил к выходу, чтобы не пропустить «вора». Бильбо осторожно двинулся за ним. Горлум скулил на ходу, ругался, жаловался и причитал, без конца поминая «свое сокровище». Постепенно Бильбо кое-что понял, и надежда забрезжила перед ним. Раз ему посчастливилось найти настоящее волшебное кольцо, значит, появился шанс ускользнуть и от Горлума, и от орков.

Горлум привел хоббита к незаметному лазу у подножия восточного склона и улегся поперек выхода, принюхиваясь и прислушиваясь. Бильбо чуть было не поддался искушению пустить в дело меч, но жалость остановила его руку – положение-то было неравным: у него были и кольцо, и меч, а у Горлума – ничего. Поэтому, собравшись с духом, он просто перепрыгнул через Горлума и помчался к выходу, преследуемый истошными воплями: «Вор! Вор Сумникс! Мы навсегда ненавидим его!»

Любопытно, что, встретившись со своими спутниками, Бильбо описал события не совсем так, как они происходили. Оказывается, в случае проигрыша Горлум обещал ему «подарочек», но когда, и в самом деле проиграв, отправился за ним – волшебным кольцом, полученным некогда в день рождения, – на остров, оказалось, что кольца нет. Конечно, ведь Бильбо еще раньше нашел это самое кольцо, а теперь еще и выиграл его, поэтому кольцо принадлежало хоббиту по праву. Но раз Горлум не сдержал обещания, Бильбо потребовал показать дорогу к выходу и так выбрался наружу. Эта же версия оказалась записанной и в воспоминаниях Бильбо, он сам настолько поверил в нее, что даже Совет у Элронда не заставил его усомниться. Естественно, в этом виде история попала и в Алую Книгу, и во многие списки с нее. Но некоторые хроники содержат истинное описание событий, и исходят они, конечно, либо от Фродо, либо от Сэмиуса. Они-то знали правду, хотя и не стали менять собственных записей Бильбо.

Ну а Гэндальф, например, и вовсе не поверил истории, рассказанной Бильбо. Он очень заинтересовался кольцом и в конце концов вытянул из Бильбо подлинное описание событий. На некоторое время это даже всерьез нарушило их дружеские отношения, но маг считал, что правда дороже. Гэндальфа прежде всего насторожило бессмысленное вранье, вовсе не свойственное хоббитам. Очевидно, о подарке Бильбо заговорил с подачи Горлума – тот тоже без

конца твердил о «подарочке на день рождения». Маг задумался, но прошло немало времени, пока все подробности этой истории не прояснились даже в его умнейшей голове.

О дальнейших приключениях Бильбо говорить почти нечего. Кольцо помогло ему ускользнуть от орков. Он и дальше пользовался им, чтобы помочь друзьям в трудные минуты, но не показывал никому. По возвращении домой он говорил о кольце только с Гэндальфом и Фродо и был уверен, что во всем Шире никто, кроме них, не подозревает о его существовании. И рассказ о своем путешествии он показывал только Фродо.

Верный меч Шершень Бильбо повесил над камином, а бесценную кольчугу из драконьей соколовицницы, подаренную гномами, предоставил Маттом Дому в Микорыте. Зато старый плащ с капюшоном лежал дома в комодке, а кольцо на изящной цепочке всегда было в кармане у хоббита.

Бильбо вернулся домой 22 июня 1342 года на пятьдесят втором году жизни, и с тех пор в Шире не происходило ничего примечательного до того дня, когда господин Сумникс начал готовиться к празднованию своего стоодиннадцатилетия – в 1401 году по счету Шира. С этого момента и начинается наша история.

У. О летописях Шири

Роль, сыгранная хоббитами в великих событиях конца Третьей Эпохи, пробудила в них интерес к собственной истории. Шир вошел в состав Воссоединенного Королевства. По этому поводу устные предания были собраны и записаны, положив начало Летописям Шири. Некоторые знатные хоббиты оказались причастны к великим делам, и теперь во многих семьях старательно изучались древние истории и легенды.

В конце первого столетия Четвертой Эпохи в Шире насчитывалось уже немало библиотек, содержащих множество исторических трудов и хроник. Среди них отличались хранилища в Недовышках, в Смеалищах и в Брендинорье. Наше повествование о конце Третьей Эпохи заимствовано главным образом из Алой Книги Западного Крома³, хранившейся в Недовышках, в доме Очарованов, потомственных Дозорных Западного Крома. Предположительно это подлинный личный дневник Бильбо, бывший с ним в Дольне. Фродо вернул его в Шир, существенно дополнил, а в 1420–1421 годах дописал историю Войны. Она составила отдельный том, который и хранился вместе с тремя другими, переплетенными в красную кожу, подаренными дядей племяннику при расставании. Позже к этим четырем томам добавился пятый с комментариями, генеалогией и другими материалами, касающимися хоббитов – членов Братства Кольца.

Подлинная Алая Книга не сохранилась, но потомки Сэмиуса сняли с нее несколько копий, большинство – с первого тома. Самая замечательная из этих копий имеет свою историю. Хранившаяся в Смеалищах, написана она, тем не менее в Гондоре, возможно, по настоянию внука Перегрини, и завершена в 1592 году по счету Шири, или в 172 году Четвертой Эпохи. Южный список заканчивается словами: «Финдегил, Королевский писец, завершил сей труд в 172 году и свидетельствует о точном согласии с Книгой Тана в Минас Тирите, являющейся точной копией Алой Книги Перианатов, изготовленной по велению Короля Элессара. Алая Книга Перианатов подарена Королю Элессару Таном Перегрином в день его возвращения в Гондор в 64-м году».

Судя по этой надписи, Книга Тана – наиболее полный список с Алой Книги. В Минас Тирите она была тщательно исправлена, особенно в части эльфийских имен и названий, дополнена кратким изложением «Истории Арагорна и Арвен», не связанной непосредственно с Войной. Как удалось установить, полная «История...» принадлежит перу Барахира, внука Правителя Фарамира, и записана вскоре после ухода Короля. Но самое важное в копии Финдегила – это уникальные «Переводы с эльфийского», сделанные Бильбо. Все три тома выполнены с величайшим тщанием и мастерством. Работая в Дольне с 1403 по 1418 год, Бильбо обращался к редчайшим источникам. Он не только работал с летописями, но и говорил с теми, кто помнил начало эльфийской истории. «Переводы...» повествуют о Древнейших Днях, поэтому Фродо не включил их в свой вариант и здесь они не приводятся.

Далеко не все из того, чем располагали хранилища Тукборо, нашло отражение в Алой Книге. Достоправные Мериадок и Перегрин, старейшины двух знатнейших родов Шири, имели тесные связи с Гондором и Роханом, поэтому списки Брендинорья, например, содержат множество фрагментов истории Эриадора и Рохана. Часть из них записана самим Мериадоком, хотя лучше известны другие его работы: «Травник Шири» и «Летосчисление», связывающие календарный счет Шири и Брыля с календарями Дольна, Гондора и Рохана. Мериадок также является автором небольшого трактата «Древние понятия и имена Шири», содержащего любопытные рассуждения о родстве хоббитского языка с языком Рохана и объяснение происхождения особых ширских словечек и названий.

³ См. Приложение II: годы 1451-й, 1462-й, 1482-й и примечание в конце Приложения III.

Хранилище в Смеалищах содержало источники, может быть, менее интересные для хоббитов, но весьма ценные для Большой Истории. В этом заслуга Перегрин. Он, а позже – его наследники собрали немало манускриптов, составленных писцами Гондора и содержащих копии или переложения преданий о временах Элендила. Только здесь и можно отыскать сведения об истории Нуменора и возвышении Саурана. Не исключено, что именно в Смеалищах с помощью архивов Мериадока была осуществлена первая сводка «Повести Лет»⁴.

Несмотря на предположительный характер многих дат, особенно относящихся ко Второй Эпохе, труд заслуживает самого пристального внимания. Возможно, в этой работе Мериадок пользовался сведениями, полученными во время частых посещений Дольна. Там после ухода Элронда еще долго жили его сыновья и многие Высокие Эльфы. Говорят, что и Келеберн жил там после ухода Галадриэль, но нет упоминаний о том, когда он отправился в Серебристую Гавань. Вместе с ним из Среднеземья ушла последняя живая память о Древнейших Днях.

---

⁴ В самом сокращенном виде она представлена в Приложении и содержит описание главнейших событий вплоть до конца Третьей Эпохи.

и очень богатым, и очень здоровым одновременно. «Это даром не пройдет, – говорили они, – вот увидите, как бы расплачиваться не пришлось».

Но пока об оплате не было и речи. Наоборот, частенько платил господин Сумникс, и большинство хоббитов прощали ему за щедрость и удачу и странности. Он вовремя навещал родственников (кроме Дерикюль-Сумниксов, конечно), а уж среди бедных и незнатных хоббитов приятелей у него было хоть отбавляй. А вот друзей не было. И так продолжалось до тех самых пор, пока не подросли кое-какие младшие родичи.

Любимцем Бильбо был юный Фродо Сумникс. Когда Бильбо стукнуло девяносто девять, он вдруг усыновил сироту Фродо, сделал своим наследником и предложил переселиться в Засумки. Тут уж все надежды Дерикюль-Сумниксов, давно с вожделием посматривавших на усадьбу, рухнули окончательно.

Случаю было угодно, чтобы Бильбо с Фродо еще и родились в один день, 22 сентября.

– Фродо, мальчик мой, – сказал как-то раз Бильбо, – перебирался бы ты ко мне. Глядишь, и день рождения вместе отмечали бы.

Фродо в ту пору ходил в доростках. Так хоббиты зовут молодежь в безответственном возрасте между двадцатью и тридцатью тремя, после чего хоббит наконец может считать себя взрослым.

Прошло еще двенадцать лет. В Засумках каждый год весело отмечали двойной день рождения, к этому привыкли, но любому было ясно, что нынешней осенью готовится нечто необычное. Бильбо исполнилось 111 лет – возраст для хоббита весьма почтенный, да и число любопытное, ну а Фродо готовился отметить тридцатитрехлетие – тоже знаменательная дата – совершеннолетие по-хоббитски.

Постепенно набирали силу разговоры и в Хоббитоне, и в Уводье. Слухи о предстоящем событии множились и вскоре гуляли по всему Ширу. Бильбо склоняли и так, и эдак; и характер, и привычки, и история эта его сумасшедшая – все вдруг опять стало предметом обсуждения. Старшее поколение с удовольствием обнаружило, что молодежь внимает их байкам с неослабным вниманием, чего отродясь не бывало. Но редко кому удавалось собрать столь благодарную аудиторию, как Старичине Хэму, садовнику из Засумок. Он, почитай, переселился в «Ветку Плюща» – маленький трактирчик по дороге к Уводью, и с утра до вечера со знанием дела просвещал публику. Мало того, что он уже сорок лет ходил за садом в Засумках, так ведь и до этого незнамо сколько помогал прежнему садовнику, старому Хаткинсу. В последние-то годы, когда сильно стала донимать спина, да и ломота в суставах не отпускала, в саду все больше младшенький его работал – Сэм. Отец с сыном жили на самой Горке, прямо под Засумками, и отношения у них с обоими Сумниксами были весьма дружественные. Старичина Хэм частенько повторял: «Другого такого приятного и почтенного хоббита, как господин Бильбо, поискать – не найти». Да и то правда: Бильбо обращался к старому садовнику не иначе как «мастер Хэмфаст» и всегда советовался с ним по поводу любых «корешков», особенно картофельных, насчет которых Хэм слыл виднейшим знатоком в округе.

– А что за гусь этот Фродо, который с ним живет? – спрашивал у Хэма старый Нетак из Уводья. – Хоть он и зовется Сумникс, а все ж наполовину – Брендискок. Не пойму я этих Сумниксов из Хоббитона, чего им жен где-то в Заскочье искать? Известно, там весь народ чокнутый!

– Точно! Они там все с заскоком, – ввернул Дэдди Большеног, сидевший тут же, за столиком (дело было, конечно, в «Ветке Плюща»). – А чего удивляться? Живут на неправильном берегу, почитай что в Пуще самой, а там – место дурное, даже если хоть полправды есть в том, что про этот лес болтают.

– Оно, конечно, верно, Дэд, – побряхтел Старичина Хэм. – Не то чтобы Брендискоки из Заскочья в самой Пуще жили, но порода чудная. Экая блажь: на лодках этих самых по реке ездить! Как это: по воде ездить – да сухим! Шебутной народ. Да только молодой господин Фродо не из таковских. Он, слышь, сильно на нашего Бильбо похож, и не только с виду. Отец-то у него все-таки Сумникс был. Вполне, между прочим, уважаемый хоббит господин Дрого. Да что толку, раз его булькнули.

– Э-э, как это – булькнули? – переспросило сразу несколько голосов. И эту, и другие мрачные истории здешние хоббиты слышали не по одному разу, конечно, но в Хоббитоне страсть как любят всякие семейные были и небылицы и готовы слушать их хоть до морковкиного заговения.

– Так ведь дело-то как было, – оживился Хэм. – Господин Дрого, значит, женился на этой бедняжке Примуле Брендискок. Бильбо она приходилась кузиной по материнской линии, мать-то у ней была младшенькой Старого Тука, а господин Дрого нашему Бильбо в аккурат – троюродный кузен. Стало быть, Фродо сразу и двоюродный и троюродный ему племянник. Хэ! Наш пострел везде поспел, как говорится. Раз гостил господин Дрого у тестя, у мастера Горбадока, значит, в Брендинорье (он там частенько после женитьбы гащивал – очень покусать любил, – а вы знаете, как у Горбадока кормят!). Стало быть, отправились они домой на лодке этой самой, да на середине Брендидуина возьми да булькнись, и он, и жена его, а Фродо маленький сироткой остался...

– А я слыхал, это самое, они при лунном свете покатаются решили, – вмешался старый Нетак. – Ну а Дрого-то был солидный хоббит, вот под ним лодка и потопла...

– Да нет. Это жена его спихнула, а он за нее ухватился, вот они оба и булькнулись, – тут же перебил мельник Песошкинс.

– А ты больше слушай, что тебе наболтают! – огрызнулся Хэм, недолюбливавший мельника. – «Спихнула!» Скажешь тоже! В этих самых лодках пошевелиться-то нельзя, сразу опрокинешься. Ну, дело не в этом. Главное, остался Фродо сиротой в одночасье, да среди этих свихнутых из Заскочья, да в толкотне тамошней – у старого Горбадока меньше сотни родственничков и не гостило никогда. Господин Бильбо очень великодушно поступил, когда выручил паренька из этой компании. Оно конечно, для Дерикюль-Сумниксов удар был. Когда он в тот раз ушел да сгинул, они уж совсем было заполучили Засумки, а он возьми да вернись, пришлось им убираться восвояси несолоно хлебавши. С тех пор господин Бильбо наш живет и живет, хоть бы на день постарел! Вот и на здоровье! Дерикюли аж зеленые со злости. А тут – на тебе! Наследник! Да еще все бумаги выправлены честь по чести. Теперь Дерикюлям Засумками только снаружи и любоваться.

– А верно поговаривают, что в этих Засумках приличный кус денег засунут? – поинтересовался какой-то чужак, прибывший из Микорыта в Хоббитон по делам. – Под Горкой, говорят, ходов полно, а там все сундуки, сундуки, а в них все золото, золото?

– Ну, тогда ты больше моего знаешь, – проворчал Хэм. – Наш Бильбо живет – нужды не знает, но чтоб ходы рыть – про такое я не слыхивал. Помнится, я еще в доростках ходил, лет шестьдесят тому, когда он вернулся и торговал Засумки. Хаткинс меня как раз приглядывать за садом ставил, чтобы, значит, народ лишний без толку не шастал. Как сейчас помню, господин Бильбо на Горку поднялся, и пара пони при нем. Два сундука точно было, может и с сокровищами, – в тех краях-то, говорят, аж горы золотые, – но чтобы ради двух сундуков ходы рыть – это зачем же? Вот парнишка мой, Сэм, стало быть, он в усадьбе все ходы-выходы знает, а никаких таких богатств особых тоже не видал. Он у меня прямо помешался на историях, которые ему Бильбо рассказывал, пока грамоте учил. А что? Вреда ведь от нее не будет. По мне, я ему говорю, картошка да капуста лучше эльфов с драконами, да и по тебе тоже. Не путайся ты во всякие умные дела да в чужие заботы. А то – забот полон рот, а толку никакого!

Вот как я ему говорю, и другим бы то же самое сказал, – добавил Хэм, поглядывая на чужака с мельником.

Однако похоже было, что слушателей он не убедил. На слухах о сокровищах Бильбо выросло не одно поколение хоббитов.

– Может, оно и так, да ведь он и потом не раз отлучался, поди, немало прибавил к первой-то порции, – выразил общее мнение Песошкинс. – Вы гляньте, кто его навещает: гномы всякие да еще этот колдун старый, Гэндальф, и прочие не лучше. Ты мне можешь сколько угодно заливать, а я тебе скажу: Засумки – место подозрительное и народ там – с заумью.

– Ты, конечно, здорово в этом понимаешь, – ядовито ответил Хэм, чувствуя, что сегодня мельник не нравится ему больше обычного, – может, в других местах куда как лучше. Тут вот неподалеку живут некоторые в норах с позолоченными стенами, да что-то я не слышал, чтобы там гостю кружку пива поднесли, а на Сумкиной Горке гостю завсегда рады. Вот и с Рождением этим... Сэм мой говорит, что на праздник каждого пригласят, а кого пригласят, тому и подарки будут, каждому, вот оно что! И не когда-нибудь, а уже в этом самом месяце!

«Этот самый месяц» был сентябрь, такой чудный, какого давно не помнили. Спустя пару дней пополз слух (не иначе как от всезнайки Сэма) о готовящемся фейерверке, да таком, которого не видали больше века, с самой кончины Старого Тука.

Утро да ночь – сутки прочь. Тот День постепенно приближался. Как-то под вечер в Хоббитоне появилась и с трудом поднялась в гору повозка. Пораженные хоббиты повысыпали из дверей, таращась на невиданный экипаж. На козлах, распевая песни, сидели длиннородые гномы в плащах с капюшонами. Некоторые из них остались в Засумках, а прочие скоро уехали. Но то было только начало. Не прошло и двух недель, и от Брендидуинского Моста появилась двуколка. Вожжи держал в руках высоченный старик в длинном сером плаще с серебристым шарфом и в остроконечной синей шляпе. Долгая белая борода и густые брови украшали лицо приезжего. Хоббитята, нюхом почуяв фейерверочные штуки, с гомоном проводили двуколку до ворот Засумок. У дверей Бильбо старик начал выгружать кучу свертков, пакетов и коробок

самых разных размеров. На всех стояла яркая красная метка , а рядом та же буква «Г»

 была повторена эльфийскими рунами

Конечно, «Г» обозначало «Гэндальф», а рядом с коробками стоял и сам маг, известный в Шире искусник по части огней, дымов и светов. Были у него и другие дела, посерьезней и поопасней фейерверков, но о том ширский народ не знал и не думал. Хоббитам его появление сулило дивные развлечения. «Серый дед-огневед!» – кричала ребятня, а старик слушал и улыбался. В Хоббитоне он бывал наездами и никогда не оставался надолго, но его хорошо знали, если не в лицо, то по рассказам, а вот о потешных огнях только слышали.

Гномы с помощью самого Бильбо споро перетаскали все в дом, и хозяин оделил хоббитят мелкой монетой, но, к их глубокому разочарованию, ни одной нарядной шутихи, ни одной хлопушки им не перепало.

– Бегите-ка гулять. Все получите в свое время, – успокоил их Гэндальф.

Дверь закрылась. Хоббитята поглазели на нее еще немножко, да только без толку, и поплелись с холма. Им казалось, что праздник вообще никогда не наступит.

А хозяин и гость сидели возле открытого окна, выходящего в сад. Солнце перевалило за полдень, в воздухе сновали и шуршали стрекозы, все дышало миром и покоем. В саду, как бывает только перед осенью, буйствовали цветы. Львиный зев, настурции, подсолнухи заглядывали в круглые окошки.

- Какой яркий у тебя сад, – заметил Гэндальф.
- Да, – просто согласился Бильбо. – Знаешь, я очень люблю его, и весь этот добрый старый Шир тоже, но, видно, пора мне отдохнуть.
- Значит, все-таки будешь делать, как решил?
- Решил-то я давно, а вот решился, пожалуй, только сейчас.
- Ну и ладно. Раз решил – делай. Только уж делай, как задумал, глядишь, еще и обойдется все, и для тебя, и для других тоже.
- Ох, хорошо бы. Но уж в четверг я повеселюсь. Очень мне хочется сыграть одну маленькую шутку...
- Интересно, кто смеяться будет? – покачал головой Гэндальф.
- Там посмотрим, – беспечно ответил Бильбо.

На следующий день к Горке потянулась вереница повозок. Еще с понедельника из Засумок посыпались заказы на все съедобное и несъедобное, что только можно было приобрести в Хоббитоне, Уводье и окрестностях. Народ воодушевился, поборвал лишние листки в календарях и принялся высматривать почтальона в ожидании приглашений. И приглашения не заставили себя ждать. Их было столько, что пришлось кликнуть добровольцев на подмогу. На Горку потекли ответы с вариациями на тему: «Благодарю Вас, непременно буду».

На воротах Засумок появилась табличка: «Беспокоить только по гостевым делам», но даже те, у кого такие дела находились, редко проникали в дом. Бильбо был занят: писал приглашения, отмечал галочкой в списке ответы, упаковывал и надписывал подарки и занимался кое-какими личными приготовлениями. Маг не показывался.

Проснувшись как-то поутру, хоббиты узрели большой луг перед усадьбой перегороденным веревками и утыканным шестами для палаток и павильонов. На склоне холма появились ступени, ведущие от самой дороги, и огромные белые ворота. В Тугосумах, соседней деревеньке, изнывали от любопытства и зависти. Старичина Хэм бросил делать вид, будто занят в саду работой.

Шесты начали одеваться цветными полотнищами. Один павильон особенно отличался размерами: в него поместилось даже большое старое дерево, росшее посреди луга. Теперь ветки его украсились множеством фонариков, пришедшихся как раз над главным столом. Красиво, конечно, но хоббитов больше занимала кухня, сооруженная прямо под открытым небом в северном углу луга. Там с утра до ночи суеилось множество поваров и поварят из окрестных трактиров, призванных в помощь гномам и прочему пришлому люду, поселившемуся в последнее время на Горке. Возбуждение, владевшее хоббитами, достигло предела.

В среду, в самый канун праздника, небо нахмурилось и этим всех весьма обеспокоило. Однако четверговый рассвет рассеял тучи, а вместе с ними и опасения ворчунов. С восходом солнца затрепетали на высоких шестах разноцветные вымпела, и веселье началось.

Бильбо звал в гости, но правильнее было бы сказать – на всеобщее народное гулянье. Все соседи получили приглашения. Те немногие, которых забыли, тоже пришли. Гости прибывали из других Четей, а кое-кто даже из-за границы. Возле новеньких белых ворот гостей и сопровождающих встречал сам Бильбо и раздавал подарки направо и налево. Подарки получали и приглашенные, и неприглашенные, и даже те, кто потихоньку выходил через дальнюю калитку и входил в ворота снова. Так заведено в Шире – дарить подарки на свой день рождения. Обычай древний и весьма приятный, хотя и не всегда подарки оказываются такие дорогие и щедрые, как в этот раз.

В Хоббитоне и в Уводье что ни день, так обязательно чье-нибудь рождение, поэтому уж раз-то в неделю каждый хоббит смело может рассчитывать на подарок, – и до сих пор никто на усталость не жаловался. Однако сегодня подарки были просто отменные. Малолетки пришли в буйный восторг и даже про еду забыли. Таких игрушек они отродясь не видывали. Одна другой

лучше, и наверняка есть волшебные. Причины для восторгов действительно имелись: многие игрушки заказывались еще год назад и проделали неблизкий путь – это была настоящая гномья работа.

Когда наконец поток гостей иссяк, на лугу начались танцы, игры, зазвучала музыка и песни. И конечно же – пир. Были задуманы три перемены: завтрак, чай и обед (он же – ужин), но разницы между ними оказалось немного. Просто во время завтрака и чая все гости сидели за столами и дружно жевали; в остальное время за столами все равно жевали, но не все. Кушали непрерывно с одиннадцати до половины седьмого, когда в небе вспыхнули первые потешные огни. Пришел черед Гэндальфа. Все здесь, от замысла до исполнения, принадлежало ему. Маг сам и запускал все эти дивные ракеты. Высоко в небе они взрывались, вспыхивали звездами, разлетались на части, и каждая горела своим огнем, создавала свой узор. Попутно Гэндальф щедро раздаривал шутихи, хлопушки, пугалки, пищалки, гром-гремушки и еще успевал поджигать гномьи свечи, эльфийские фонтаны и мерцающие звезды. Зрелище получилось незабываемое. Мастерство Гэндальфа явно росло с годами. В небо поднимались огни, похожие на стаи птиц, – они еще и пели к тому же. Вырастали зеленые деревья с дымными стволами, на них стремительно распускались листья, светящиеся ветви роняли сияющие цветы прямо на восхищенных зрителей; цветы таяли, не достигая земли, оставляя в воздухе нежный аромат. Взлетали рои огнистых бабочек и, переливаясь, порхали среди горящих ветвей; в небо рвались стройные колонны, через миг превращавшиеся в орлов, в величавые парусные корабли или в строй плывущих лебедей; разражалась желтым ливнем багровая туча; потом вдруг с громовым кличем вверх устремились сотни серебряных копий, грациозно повернулись и со змеиным шипом вонзились в речную гладь. А последний сюрприз, подготовленный Гэндальфом в честь Бильбо, просто доконал собравшихся. Все огни погасли. Вверх медленно поднялся огромный клуб дыма и обрел очертания одинокой горной вершины. Оттуда рванулись зеленые и алые струи огня, а вслед за ними взлетел дракон, красный и золотой, ростом поменьше обычного, но до ужаса настоящий: из пасти вырывается пламя, глаза свирепо уставились вниз. Дракон взревел и трижды дохнул поверх голов толпы на лугу. Все разом пригнулись, многие попадали на траву, а дракон со свистом промчался над палатками, перекувырнулся в воздухе и взорвался над Увудьем.

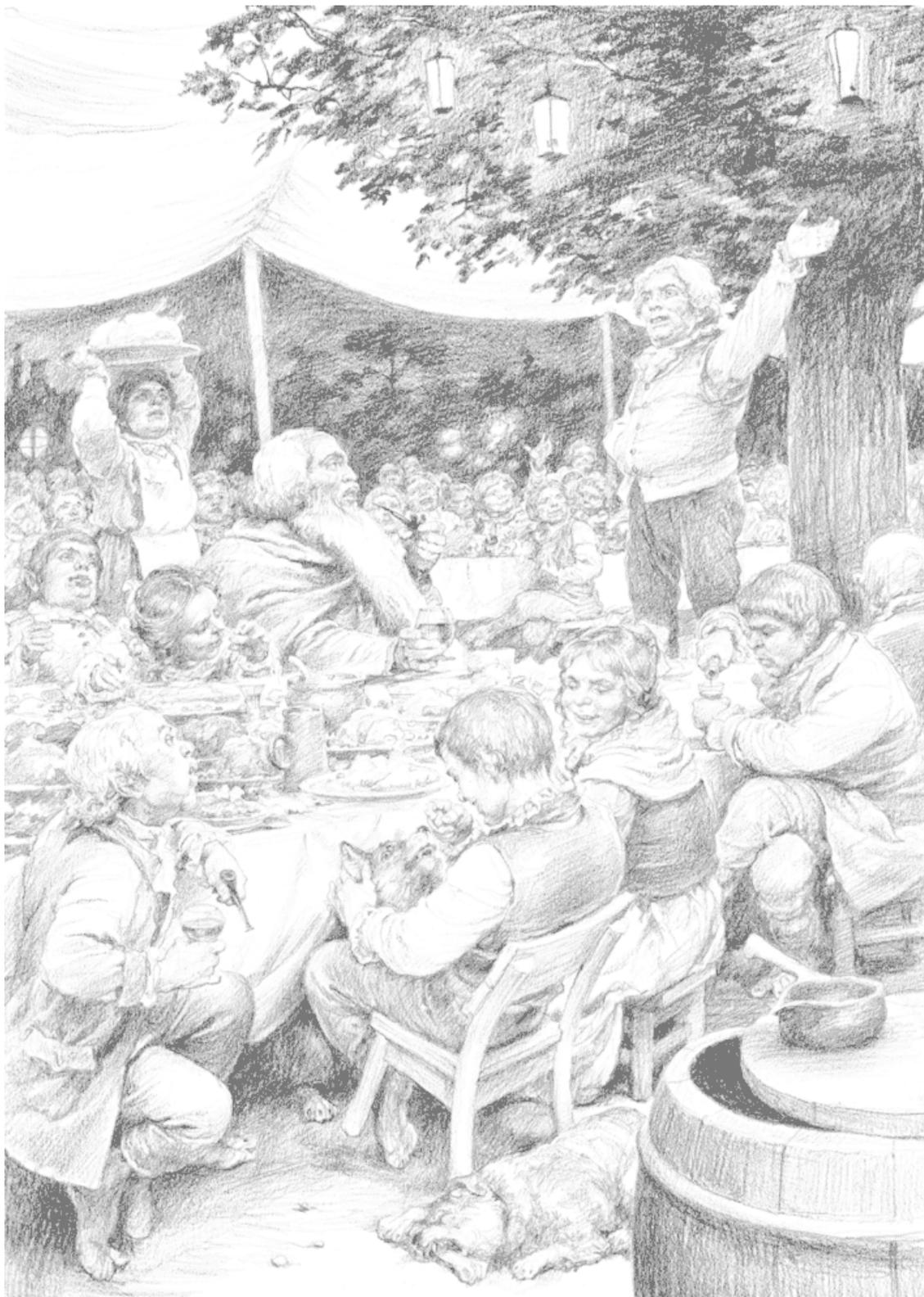
Когда гости немного пришли в себя, Бильбо пригласил всех на ужин. Тут уж взяли себя в руки даже испугавшиеся по-настоящему. Разве можно заставлять ждать себя, когда речь идет о превосходном ужине! Хоббиты гурьбой устремились к столам, а некоторые особо приглашенные проследовали в большой павильон с деревом на семейное торжество. Таких набралось двенадцать дюжин – ровно гросс (вообще-то у хоббитов гросс – счетное число для скота и не очень-то годится для гостей); в основном – родня Бильбо и Фродо, несколько близких друзей и Гэндальф. Приглашения оказались у многих молодых хоббитов, допущенных к столу с родительского позволения (в Шире спокойно относятся к тому, что дети засиживаются допоздна, особенно если при этом представляется случай лишний раз поесть. Ведь на воспитание подрастающего поколения уходит столько провизии!).

Гросс состоял из Сумниксов и Умниксов, Туков и Брендискоков, Рытлов (родня Бильбо по бабушке) и Хрюклов (родня, наоборот, по дедушке), Кроттов и Пузиксов, были Помочь-Лямкинсы и Дудкинсы, Сдобкинсы и Бобровники, а также Большеноги. Многие могли похвастаться лишь очень отдаленным родством с хозяином, а некоторые и в Хоббитоне-то до этого никогда не бывали. Дерикюль-Сумниксов представляли Отто и его жена Лобелия. Вот уж кто терпеть не мог Бильбо! Но пригласительный билет, написанный золотыми чернилами, был так красив, а стол их кузена так известен, что отказаться было совершенно невозможно.

Все сто сорок четыре гостя предвкушали небывалый пир и если чего и опасались, так неизбежной послеобеденной речи хозяина. Бильбо ведь мог и стихами заговорить, а после пары стаканчиков, бывало, заводил разговор про свои нелепые приключения в каких-то немисли-

мых краях. Однако опасения опасениями, а пир превзошел все ожидания: богатый, обильный, разнообразный, он все продолжался и продолжался. Окрестные продуктовые лавки позакрывались на неделю, из них все было выбрано подчистую. Но как оно никуда не делось, а все было тут, на столах, убытка никто не понес.

Когда гости слегка осоловели, настало время Речи. Народ за столами пребывал в том приятном удовлетворении, когда можно лениво поковыривать любимые блюда, потягивать любимые напитки и не страшиться никаких речей, даже в стихах. Они были согласны выслушать что угодно и даже похлопать при необходимости.

– Дорогие мои! – начал Бильбо, поднявшись с места. «Слушайте! Слушайте!» – заорали все, и клич пошел гулять по рядам, нарастая и сопротивляясь собственному смыслу. Бильбо перешел под дерево и влез на стул. Свет от фонариков блестел на его сияющей физиономии, сверкал на золотых пуговицах расшитого шелкового жилета, и весь он был на виду у собравшихся. Одной рукой он помахивал в воздухе в такт словам, а другую держал в кармане.

– Мои дорогие Сумниксы и Умниксы, – начал он снова, – дорогие мои Туки и Брендискоки, Рытлы и Хрюклы, Пузиксы и Кроттсы, Помочь-Лямкинсы и Дудкинсы, а также Сдобсы!

– И Большеноги! – заорал старый хоббит из глубины павильона. Конечно, это был Большеног, его огромные, редкомерно шерстистые лапищи покоились на столе, выставленные на всеобщее обозрение.

– И Большеноги, – согласился Бильбо, – и еще любезные мои Дерикюль-Сумниксы, которых я рад снова приветствовать в Засумках. Сегодня мне исполнилось сто одиннадцать!

– Ура! Долгих лет жизни! – послышались со всех сторон крики, сопровождаемые топотом под столами. Вот это правильно! Вот это Бильбо молодец! Так и надо! Коротко и ясно!

– Надеюсь, – повысил голос Бильбо, – вы веселитесь так же, как и я.

Оглушительные хлопки. Крики «Да!» (и «Нет»). Шум дудок, свирелей и флейт. Молодежь пустила в ход хлопушки и обнаружила внутри маленькие, превосходной работы музыкальные инструменты. В дальнем углу юные Туки и Брендискоки, полагая, что дядюшка Бильбо уже закончил (а чего еще говорить-то?), составили оркестрик и завели веселенькую танцевальную мелодию. Эверард Тук с Мелиссой Брендискок наладились было сплясать на столе «Прыг-Дрыг» – танец милый, но несколько фривольный.

Но Бильбо еще не кончил. Отобрав дудку у ближайшего хоббитенка, он резко дунул в нее три раза. Шум поутих.

– Я не задержу вас долго, – крикнул он и вызвал гул одобрения. – Я собрал вас вместе для одного дела.

Что-то в его словах, в том, как они были сказаны, произвело впечатление. Стало еще тише. Один-два Тука наострили уши.

– По правде, даже для трех дел. Во-первых, сказать вам, как я люблю вас всех, а сто одиннадцать лет – это слишком мало, когда живешь среди таких славных хоббитов.

Бурный взрыв одобрения.

– Половину из вас я знаю вполтину хуже, чем хотел бы, а другую половину люблю вполтину меньше, чем она того заслуживает.

Пожалуй, сказано было сложновато. Послышалось несколько жидких хлопков, пока остальные прикидывали, надо ли относиться к сказанному как к комплименту.

– Во-вторых, я хотел отпраздновать мой день рождения.

Снова восторг.

– Надо бы сказать: наш день рождения. Сегодня ведь мой племянник Фродо вступает в совершеннолетие и в права наследования.

Несколько снисходительных хлопков от старших и громкие крики: «Фродо! Ура старине Фродо!» – от молодежи. Дерикюль-Сумниксы угрюмо гадали, как понимать слова «вступает в права наследования».

– Нам на двоих – сто сорок четыре, да и вас здесь столько же: один гросс, можно сказать.

Пожалуй, это была бестактность. Вдруг многие гости сообразили (а Дерикюль-Сумниксы в особенности), что их позвали только для ровного счета, как иногда в ящик с бутылками напихивают всякую ветошь, чтобы не звенело. «Гросс! – послышалось фырканье. – Довольно-таки вульгарно!»

– А еще сегодня годовщина моего прибытия на бочке в Эсгарот на Долгом Озере. Тогда-то я не вдруг и вспомнил о своем дне рождения, не до того было. Знаете, в пятьдесят один как-то не очень за этим следишь. Но ужин был хорош. Помнится, я подхватил тогда жуткий насморк и мог сказать друзьям только: «Бде очень бдиядно», теперь у меня нет насморка, и я скажу: – Мне очень приятно видеть вас на нашем скромном празднике.

Мертвая тишина. Многие чувствовали – от стиха теперь не отвертеться. Эх! Почему бы не кончить говорильню и не дать всем выпить за его здоровье! Но Бильбо не стал декламировать. Он продолжал Речь.

– В-третьих, и в-последних, я хочу сделать *объявление*. – Последнее слово он произнес таким значительным тоном и так громко, что заставил напряженно выпрямиться всех, кто к этому времени еще мог сидеть.

– Должен с сожалением объявить, что, хотя, как я уже сказал, мне маловато ста одиннадцати лет, прожитых в таком приятном обществе, пора заканчивать. Я ухожу. Покидаю вас. Сейчас же. Немедленно. Пока!

Он шагнул со стула и исчез. Тут же сверкнула ослепительная вспышка, гости зажмурились, а когда открыли глаза, Бильбо нигде не было. Все сто сорок четыре хоббита, утратив дар речи, откинулись на спинки стульев. Старый Одо Большеног с грохотом убрал ноги со стола. Некоторое время за столом царила полная тишина, а потом все эти Сумниксы, Умниксы, Туки, Брендискоки и прочие загомонили разом.

Общее мнение признало в шутке дурной вкус, и понадобилось немало еды и питья, чтобы сгладить потрясение и досаду. «Свихнутый! Точно! Я всегда говорил!» – слышалось отовсюду. Даже Туки, за редким исключением, сочли исчезновение нелепой выходкой.

Один старый Рори Брендискок, сохранивший, несмотря на обильные возлияния, способность трезво мыслить, сказал своей невестке Эсмеральде: «Что-то за этим кроется, помани мое слово, дорогуша. Ведь этот шалый Сумникс опять намылился улизнуть. Экий пень старый! Да нам-то что с того? Съестное он ведь не с собой унес», – и Рори громко стал призывать Фродо, требуя вина.

Фродо единственный из присутствующих не произнес ни слова. Он сидел возле опустевшего стула Бильбо и, казалось, не замечал ни вопросов, ни недовольства хоббитов. Он знал о готовящейся шутке и порадовался, что она удалась, с трудом удержался от смеха, глядя на обескураженные физиономии гостей, но только сейчас с грустью почувствовал, как не хочется ему расставаться со старым дядюшкой. Он очень привязался к Бильбо, пожалуй, любил его больше всех остальных. Гости вернулись к еде и питью, Дерикюль-Сумниксы, осерчав, ушли, а Фродо, вдруг ощутив усталость от затянувшегося праздника, распорядился насчет вина, молча осушил бокал за здоровье Бильбо и незаметно выскользнул из павильона.

Произнося речь, Бильбо теребил в кармане золотое кольцо, то самое волшебное кольцо, которое он столько лет хранил в тайне от всех. Сходя со стула, он надел кольцо на палец, и больше его с тех пор в Хоббитоне не видел никто.

Он вернулся в дом, постоял, прислушиваясь к гомону на лугу, снял праздничную одежду, аккуратно сложил и убрал вышитый шелковый жилет. Потом быстро накинул старый камзол и подпоясался кожаным поясом. Пристегнул короткий меч в потертых черных ножнах. Открыл ключом ящик в комодке и извлек пахнувший нафталином сильно поношенный дорожный плащ с капюшоном. Несмотря на бережное хранение, плащ совершенно потерял первоначальный вид, даже цвет угадывался с трудом. Наверное, когда-то он был темно-зеленый. Одежда почему-то оказалась великоватой. В кабинете Бильбо достал из огромного стенового шкафа сверток, переплетенный в кожу том и большой конверт. Книгу и сверток уложил в объемистую котомку, в конверт опустил кольцо на тонкой цепочке, немного торопясь запечатал его и надписал крупно: «Фродо». Оглянувшись, он поставил конверт на каминную полку, но вдруг снова схватил и сунул в карман. В этот миг дверь отворилась и вошел Гэндальф.

– Привет, – нервно сказал Бильбо. – А я как раз гадал: появишься ты или нет.

– Рад *видеть* тебя, – отвечал маг, усаживаясь в кресло. – Мне нужно было застать тебя и сказать пару слов. По-моему, ты считаешь, что все прошло превосходно, как ты и задумал, а?

– Пожалуй, – кивнул Бильбо. – Хотя вспышка была очень неожиданной. Даже я растерялся, а остальные – и подавно. Твоя работа?

– Моя, – согласился маг. – Все эти годы ты держал кольцо в тайне, и это было мудро. Ничего другого, чтобы объяснить твою выходку гостям, мне в голову не пришло.

– А шутку мне подпортил. И что тебя все время тянет лезть в чужие дела, – усмехнулся Бильбо. – Впрочем, ты, как всегда, все знаешь лучше других.

– Я лучше делаю, когда *знаю*, – без улыбки ответил маг. – А сейчас у меня уверенности нет. Ладно, дело к концу. Ты добился, чего хотел: напугал или озадачил всех своих родичей и подкинул всему Ширу тему для разговоров. Ее надолго хватит. А дальше?

– Мне нужен отдых, долгий отдых, Гэндальф. Я ведь говорил тебе раньше... Я вряд ли вернусь... да что там! Я ведь и не собираюсь возвращаться. Вот, все уже приготовил. Я старый. Да, знаю, по мне не скажешь, но вот внутри... – Бильбо помолчал. – «Хорошо сохранившийся!» – фыркнул он. – Вовсе нет. Во мне все как-то тает, словно натягивается что-то, если ты понимаешь, о чем я. Ну, как будто кусок масла размазывают по слишком большому куску хлеба. Это же неправильно, да? Вот я и решил что-нибудь изменить.

Гэндальф пристально взглянул на хоббита.

– Да, – медленно проговорил он. – Это неправильно. После всего, что ты сказал, твой план представляется мне наилучшим.

– Ну вот я и решил. Горы снова увижу, а, Гэндальф? А потом найду тихое местечко и отдохну, и никаких тебе родственников, никаких нудных гостей у двери... Мне нужно закончить мою книгу. Я даже конец уже придумал. Вот послушай: «И с тех пор он жил счастливо до конца дней своих».

Гэндальф рассмеялся.

– Конец хорош. Да ведь никто же не прочтет ее, даже с таким концом.

– Ну... прочтут в свое время. Фродо вот уже читал. Ты приглядывай за ним хоть в полглаза, ладно?

– Ладно. Могу даже и двумя глазами.

– Если бы я сказал, он бы ушел со мной, – вздохнул Бильбо. – Да он сам предлагал вместе пойти, но это не по правде. Ему пока и здесь хорошо. А мне уж очень захотелось перед концом повидать дикие края и горы, горы в особенности. А Фродо Шир любит. Ему здесь все мило: и поля, и речушки, и перелески. Ему уютно здесь. Я ведь все ему оставляю, ну, разве что мелочи кое-какие... Пусть распоряжается, может, это ему счастье принесет. Теперь он сам себе хозяин.

– Все оставляешь, говоришь? – прищурившись, переспросил Гэндальф. – И кольцо, стало быть? Ты ведь так хотел?

– Ну да, это, значит, и кольцо... ага, – начал заикаться Бильбо.

– Где оно? – поинтересовался маг.

– В конверте, если уж тебе непременно знать надо, – быстро заговорил Бильбо. – Там, на камине. То есть – нет, тут оно, в кармане! – Видно было, что старого хоббита мучают сомнения. – Ведь мелочь же, – мягко сказал он, словно заговаривая сам себя. – Ну и что? Почему бы ему там не остаться?

Гэндальф задержал на Бильбо долгий взгляд, и глаза его сверкнули.

– Я думаю, Бильбо, лучше его оставить. Разве ты передумал?

– Нет, не передумал... Да. Вот дошло до дела, а мне ужасно не хочется расставаться с ним. Да ведь и зачем обязательно расставаться? Зачем это тебе-то нужно? – вдруг вскрикнул он, и голос его странно изменился. Теперь в нем слышались резкие визгливые нотки пополам с досадой. – И всегда ты изводил меня этим кольцом! Я ведь много чего привез из путешествия, почему тебя остальное не заботит?

– Я не изводил тебя, – спокойно сказал маг. – Мне нужна правда. Это очень важно. Волшебные кольца несут в себе древнюю магию, тем и интересны. Мало их на свете. Ты же знаешь, магия – моя специальность, вот я и интересуюсь. Раз ты собрался странствовать, мне нужно точно знать, где будет кольцо. А еще я думаю, что оно слишком долго пробыло у тебя. Больше оно тебе не пригодится, или я ошибаюсь во всем остальном...

Бильбо так и вскинулся на эти слова. Глаза хоббита сердито заблестели, всегда добродушное лицо стало резким.

– А тебе-то что за дело, где мои вещи лежат? – вскрикнул он. – Мое оно, понял? Я его нашел. Оно само пришло ко мне!

– Допустим, – спокойно произнес маг. – А зачем так орать-то?

– А ты сам виноват, – как-то всхлипнул Бильбо. – Ведь говорят же тебе: мое оно. Собственность моя. Моя... моя прелесть. Да, мое сокровище!

Ни одна черточка не дрогнула в лице мага. Только глаза выдавали настороженное удивление.

– Его уже называли так раньше, – проговорил он, – только не ты.

– А я вот сейчас назвал. Ну и что? Знаю я, Горлум так говорил. Но это – раньше. А теперь не его оно, а мое. И будет моим!

Гэндальф встал и заговорил резко, почти грозно:

– Не будь дураком, Бильбо. Каждое твое слово против тебя. Кольцо слишком долго за тебя держалось. Дай ему уйти! Тогда и сам станешь свободен.

– Я буду делать, как мне нравится, – упрямо твердил Бильбо.

– А ну полегче, любезный хоббит, – прервал его маг. – Мы с тобой долго были друзьями, и ты мне кое-чем обязан. Давай-ка, делай, как обещал. Оставь его!

– Если ты сам хочешь мое колечко, так и скажи! – чуть не зашелся в крике Бильбо. – Только ты его не получишь! Я не отдам мое сокровище! – Рука хоббита нащупывала рукоять меча на поясе.

Глаза Гэндальфа полыхнули.

– Ты что-то разошелся, дружок. Смотри, скоро придет мой черед гневаться. Не хочешь ли посмотреть на настоящего Гэндальфа Серого? – Маг шагнул вперед и разом словно вырос до потолка. Его огромная тень заполнила всю комнату.

Бильбо отшатнулся к стене. Рука его вцепилась в карман. Несколько секунд они стояли лицом к лицу, пока воздух в комнате не зазвенел. Гэндальф не сводил с хоббита сосредоточенного взгляда. Бильбо безвольно опустил руки и начал крупно вздрагивать.

– Что это на тебя нашло, право слово? – жалобно выговорил он. – Никогда я тебя раньше таким не видел. В чем дело-то? Оно мое, ведь так? Я его нашел, а Горлум прикончил бы меня, если бы не кольцо. Я ведь не вор, что бы он там ни кричал, ты-то знаешь...

– А я тебя никогда вором не называл, – серьезно отвечал Гэндальф, – а сам и по давню никогда им не был. Я не ограбить тебя стараюсь, а помочь. Хорошо бы ты доверял мне, как раньше.

Он повернулся, и огромная грозная тень съежилась до нормальных размеров. Перед Бильбо снова был седой старец, сутулый и встревоженный. Хоббит провел рукой по глазам.

– Прости меня, – попросил он мага. – Я, знаешь, как-то странно себя почувствовал. Наверное, это даже счастье – не тревожиться из-за него больше. В последнее время я только о нем и думаю. А с некоторых пор, сдается мне, меня все чей-то взгляд ищет. Мне ужасно хочется надеть кольцо, чтобы исчезнуть, спрятаться... А то вдруг думаю: не опасно ли оно, не зашвырнуть ли его подальше. Я уж пробовал запирать его, да места себе не находил, снова в карман клал. Удивительно даже. Видишь вот, не могу решиться.

– Так доверься мне, – посоветовал маг. – Уходи и оставь его. Перестань владеть им. Откажись. Оставь его Фродо, а уж за ним я пригляжу.

Видно было, как нелегко дается Бильбо решение. Наконец он вздохнул.

– Хорошо, – передернул плечами и улыбнулся вымученно. – В конце концов, зачем было и затевать все это. – Он кивнул головой в сторону стены, из-за которой доносился приглушенный шум праздника. – Я ведь думал как: раздарить побольше подарков, тогда, может, легче

будет и с ним расстаться. Оказалось, не легче. Просто жаль, если все приготовления прахом пойдут. Так совсем можно шутку испортить.

– Ради него все и делалось, – тихонько подсказал Гэндальф.

– Хорошо, – резко произнес Бильбо. – Оно останется у Фродо. И остальное тоже. – Он глубоко вздохнул. – Пора мне трогаться, а то как бы не столкнуться с кем. Я уже распрощался и начинать все сызнова не вынесу.

Он подхватил сумку и направился к двери.

– Кольцо пока еще у тебя в кармане, – снова подсказал Гэндальф.

– Ох, и правда! – воскликнул Бильбо уже другим, освобожденным голосом. – И завешание тоже, и остальные бумаги. Ты лучше возьми его, передай сам. Так оно спокойней.

– Нет, кольца мне не давай, – поспешно ответил маг. – Положи на каминную полку, как задумал. Никуда оно не денется до прихода Фродо. Я его дождусь.

Бильбо вынул конверт, но в последний миг рука дрогнула, и он выронил его. Маг стремительно нагнулся, подхватил конверт и поставил на место, рядом с часами. На секунду лицо хоббита замглилось судорогой гнева, но он тут же рассмеялся.

– Ну, вот и все. Ухожу, – сказал он, выбрал у двери любимый дорожный посох и, выйдя в залу, тихонько свистнул. Тут же из трех разных дверей, прервав работу, вышли три гнома.

– Все ли готово? – спросил Бильбо. – Уложено, надписано?

– Все, – был ответ.

– Тогда – в путь! – И хоббит шагнул за порог.

Стояла чудесная ночь. Бильбо поднял лицо к темному бархатному небу, усыпанному крупными звездами, шумно втянул носом воздух.

– Как славно выйти в дорогу на ночь глядя, вместе с гномами! Вот о чем тосковал я долгие годы! Прощайте все. Всего доброго! – произнес он с чувством и поклонился своему старому дому. – Прощай, Гэндальф!

– Прощай до поры, Бильбо, – ответил маг, стоя на пороге. – Будь поосторожнее. Ты уже не юноша, должен понимать, что к чему.

– Ха! «Поосторожней»! Еще чего! Да не беспокойся ты за меня. Я счастлив теперь, а это, сам знаешь, дорогого стоит. Время уходит, – добавил он и вдруг тихонько запел:

*Бежит дорога все вперед.
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совет?*

*Сольются тысячи дорог
В один великий путь.
Начало знаю; а итог –
Узнаю как-нибудь.*

Бильбо оборвал песню, повернулся спиной к огням и шуму на лугу и, махнув рукой гномам, зашагал по тропинке вниз с холма. Перескочил ограду и сразу затерялся в ночи, словно ветерок, прошелестевший в траве.

Гэндальф с порога долго смотрел ему вслед.

– Прощай, дорогой мой Бильбо, – тихо проговорил он. – Мы еще увидимся. – Он вошел в дом и прикрыл дверь.

Пришедший вскоре Фродо застал мага глубоко задумавшимся в кресле у окна.

– Ушел? – спросил Фродо.

– Да, – ответил Гэндальф, – все-таки ушел.

– Я думал, ну, то есть надеялся до самого сегодняшнего вечера, что это только шутка, – вымолвил Фродо. – А в душе-то знал: уйдет он. Вот, хотел пораньше вернуться, застать его...

– Он сам хотел уйти потихоньку, – сказал маг. – Не кори себя и не беспокойся. С ним теперь все будет в порядке. Он тебе пакет оставил, вон там.

Фродо взял конверт, повертел его в руках и отложил.

– Там, должно быть, завещание и прочие бумаги, – произнес Гэндальф. – И кольцо.

– Кольцо! – удивился Фродо. – Так он и кольцо мне оставил? Вот чудно. С чего бы это? Хотя такая вещь всегда может пригодиться...

– Это как посмотреть, – заметил Гэндальф. – Я бы на твоём месте не стал им пользоваться. Лучше бы о нём не знать никому. И мой тебе совет: храни его понадежней. А теперь пойду-ка я спать.

Фродо понимал: как новый хозяин Засумок, он должен попрощаться с гостями. Теперь уже о странном исчезновении Бильбо узнали все, и все, конечно, приставали к Фродо. Ему оставалось только твердить: «Не сомневаюсь, к утру все разъяснится». После полуночи прибыли повозки – развозить гостей. На каждую набилось помногу очень недовольных хоббитов. Вскоре явились заранее приглашенные уборщики и на тачках развезли тех, кого забыли или не заметили под столами.

Медленно прошла ночь. Встало солнце. Хоббиты проснулись куда позже. На лугу разбирали павильоны, снимали палатки, убрали посуду, лавки, стулья, цветы со столов, забытые сумочки и носовые платки и остатки пиршества, конечно. К слову сказать, еды осталось – всего ничего. Потом опять начал подходить народ – на этот раз уже без приглашения. К середине дня даже те, кто вчера укушался основательно, переварили ужин и собрались на лугу перед усадьбой. Толпа получилась не маленькая. Нельзя сказать, чтобы им были рады, но ждать – ждали.

Фродо, стоявший на крылечке, улыбался, но выглядел усталым. Каждого посетителя он приветствовал, но к сказанному вчера смог добавить немного.

– Господин Бильбо в отъезде, – повторял он. – Насколько мне известно, у него все благополучно.

Некоторых пришлось пригласить в дом. Бильбо, уходя, оставил для них «послания», кое-какие подарки и вещи. Все они были помечены, например, так: «Аделарду Туку – в собственную собственность» – надпись на зонтике. Аделард был известен множеством прихваченных в разное время по ошибке чужих зонтов. «Для Доры Сумникс – в память о долгой переписке с любовью от Бильбо» – на вместительной корзине для бумаг. Дора приходилась сестрой Дрого и была старшей родственницей Бильбо и Фродо. В свои девяносто девять она имела только одну страсть – писать пространные письма, начиная их добрыми советами. «Милу Кротту – вдруг да понадобится – от Б. С.» – на золотом перо с чернильницей. Мил сроду не ответил ни на одно письмо. «Ангелике на пользу от дядюшки Бильбо» – на хорошеньком зеркальце. Она была младшей из Сумниксов и день-деньской могла разглядывать в зеркале свою миленькую мордашку. «Для коллекции Хуго Помочь-Лямкинсу от жертвователя» – на пустой книжной полке. Хьюго обожал брать книги, но отдавал только в крайнем случае. «Лобелии Дериккуль-Сумникс в подарок» – на коробке с серебряными ложками. Бильбо не без основания подозревал, что она перетаскала немало ложек из буфета Засумок во время его предыдущего путешествия. И Лобелия знала о его подозрениях. Однако она стойко вынесла оскорбление и унесла ложки. Таких подарков было множество – всех не перечислишь. За долгую жизнь в доме скопилась куча ненужных вещей. Это весьма свойственно и другим хоббитским жилищам, они все почему-то быстро захламляются. Потому-то давний обычай – дарить подарки на собственный день рождения – так уважают. Подарки, конечно, не всегда новые. Бывает, один-два *маттома* забытого назначения кочуют по всей округе, переходя из рук в руки, но у Бильбо

такого не случалось. Он всегда все дарил по первому разу и хранил полученное от других. Теперь, после памятного дня рождения, усадьба стала выглядеть почище.

Не все подарки были с намеком. Много вещей разошлось точно по назначению, туда, где их ждали и нуждались в них. В Тугосумах жило много бедноты, там дары Бильбо вызвали подлинную радость. Например, Старичина Хэм получил два мешка картошки, новую лопату, шерстяной жилет и мазь для суставов. Старый Рори Брендискок, хозяин бедный, но радушный, очень поразился дюжине бутылок «Старой Винодельни» – крепкого красного вина из Южной Чети, в меру выдержанного, заложенного в погреба еще отцом Бильбо. Рори после первой же бутылки простил Бильбо все и объявил его славным малым.

После раздачи Фродо остался владельцем добротной обстановки, книг, картин и необходимых припасов. Никакого намека на деньги или драгоценности не было и в помине: даже в подарках не попало ни одной монетки, ни единого камешка.

Уже после полудня Фродо пришлось потрудиться. Кто-то пустил слух, будто имущество Засумок раздают задарма. Понабилась туча народа; многие хоть и понимали, что зря пришли, да выйти уже не могли. Ярлыки стали отрываться и путаться, то и дело вспыхивали ссоры. Кое-кто прямо в доме начал меняться и торговать подарками. Пришлось придерживать тех, кто пытался исправить желания бывшего хозяина и прихватывал вещь, которую считал ну прямо для него предназначенной. Дорогу к воротам забили тележки и тачки.

В разгар суеты явились Дерикюль-Сумниксы. Фродо к этому времени покинул театр подарочных действий, чтобы отдохнуть хоть немного, и передал командование своему другу Мерри Брендискоку.

Когда Отто громогласно пожелал видеть Фродо, Мерри с вежливым поклоном сказал:

– Ему нездоровится. Он отдыхает.

– Прячется, значит, – тут же встряла Лобелия. – Ну да мы хотим его видеть и увидим! Иди-ка, скажи ему об этом.

Мерри оставил их в зале на время, достаточное для отыскания причитавшихся им ложек. Однако на этом Дерикюли не успокоились. Когда их наконец провели в кабинет, Фродо сидел за столом над бумагами. Вид у него был усталый. Завидев входящих родственников, он встал, нащупывая что-то в кармане.

Дерикюль-Сумниксы пошли в наступление. Сначала они принялись торговаться, предлагая за разные ценные вещи, не предназначенные к раздаче, смехотворные цены. Когда же Фродо ответил, что дарит только предметы, отобранные самим Бильбо, они заявили, что все это весьма подозрительно.

– Ты-то своего не упустил, я полагаю, – набычился Отто. – А ну, предъяви завещание.

Если бы не Фродо, наследником стал бы Отто Дерикюль-Сумникс. Он внимательно прочел документ и гневно фыркнул. К несчастью для него, документ был составлен честь по чести, а подписи семи свидетелей, сделанные красными чернилами, красовались там, где им положено.

– Опять мимо! – в сердцах сказал он жене. – Это надо же! Шестьдесят лет ждать и чего дожидаться? Ложек? Тьфу!

Но от Лобелии так легко было не отделаться. Когда, спустя некоторое время, Фродо вышел из кабинета, то нашел ее деятельно исследующей все уголки и закоулки. Она как раз принялась простукивать полы. Пришлось решительно выпроводить ее за порог, предварительно освободив от нескольких ценных вещей, случайно завалившихся к ней в зонтик. При прощании лицо Лобелии исказили муки творчества. Она пыталась создать сокрушительную прощальную фразу, но в итоге ограничилась простой грубостью.

– Ты еще пожалеешь об этом, молокосос! Ты-то чего с ним не ушел? Ты же нездешний! Какой ты Сумникс! Ты... ты... Брендискок ты, вот ты кто!

– Слышал, Мерри? Вот какие оскорбления приходится выслушивать! – сказал Фродо, закрывая за ней дверь.

– Разве это оскорбление? – откликнулся Мерри. – Это же комплимент. Правда, незаслуженный.

Им пришлось еще раз обойти усадьбу дозором. Сначала они обнаружили трех молодых хоббитов (двух Умниксов и одного Пузикса), усердно ковырявших дырки в стенах одной из кладовок. Потом пришлось выдержать маленькое сражение с Санчо Большеногом, внуком старого Оддо. Он как раз приступил к интенсивным раскопкам в другой кладовой, ему там эхо особенное почудилось. Всех этих кладоискателей подогрело древнее правило: если богатство добыто колдовским способом, то кто найдет его (если не помешают), тому оно и достанется.

Выставив наконец Санчо, Фродо повалился в кресло.

– Мерри, закрывай лавочку, – простонал он. – Запри дверь, никого не пускай, пусть хоть с тараном приходят.

Только он собрался выпить чашку чаю, как в передней снова послышался стук. «Опять Лобелия, – подумал Фродо. – Придумала-таки, что сказать. Ну, ничего, подождет». – И он принялся заваривать чай.

Стук повторился уже громче, но Фродо решил не обращать внимания. Внезапно в окне показалась голова Гэндальфа.

– Фродо, если ты и дальше намерен не пускать меня, придется дунуть на дверь – ищи ее потом по всей норе!

– Ох, Гэндальф, дорогой! – вскричал Фродо. – Ну, конечно, сейчас же открою, – и бросился в прихожую. – Входи. Я ведь думал – это Лобелия.

– А-а, тогда прощаю. Я встретил ее. Она направлялась в Уводье, и с таким видом, от которого и парное молоко вмиг скиснет!

– Да я и сам чуть не скис. Честно. Даже за кольцо уже взялся. Только и оставалось – исчезнуть.

– Это ты напрасно, – сказал Гэндальф, усаживаясь. – Поосторожнее с кольцом, Фродо. Я ведь для того и вернулся, чтобы поговорить с тобой о кольце.

– А что такое с ним?

– Для начала скажи-ка, что ты уже знаешь?

– Только то, что Бильбо рассказывал. Ну, как он нашел его, да как пользовался им в путешествии. Ты же знаешь эту историю.

– Интересно, какую именно? – усмехнулся маг.

– Да нет, не ту, что он гномам рассказывал, а потом в книгу записал, – махнул рукой Фродо. – Он мне настоящую историю рассказывал. И еще сказал, что ты донимал его, пока не узнал всей правды, поэтому лучше и мне знать. Помню, он так и сказал: «Между нами секретов быть не должно, а дальше нас они не пойдут. Теперь ты видишь: кольцо мое».

– Любопытно, – отозвался Гэндальф. – Ну а ты что обо всем этом думаешь?

– Если ты насчет «подарочка», то настоящая история куда правдоподобнее. Непонятно даже, зачем было другую придумывать. На Бильбо непохоже, да и вообще – чудно.

– И по-моему – тоже. Но с тем, кто пользуется таким сокровищем, могут и почуднее вещи случаться. Ты имей это в виду и будь с подарком поосторожнее. Ведь в нем могут таиться и другие силы, кроме тех, для невидимости...

– Не понимаю, – честно признался Фродо.

– Да я и сам пока не очень-то понимаю, – ответил маг. – Но после сегодняшней ночи очень мне твое кольцо интересно. Ладно, не беспокойся. Просто послушай моего совета – не пользуйся им, а то, знаешь, пойдут разговоры... И храни его понадежнее, да так, чтоб не знал никто.

– Сплошные загадки, – растерянно проговорил Фродо. – Чего ты боишься?

– В том-то и дело, что сам не знаю. Сейчас мне пора идти. Может, когда вернусь, буду знать больше. Ну, до свидания. – Маг встал.

– Да куда ж ты так сразу? – вскочил Фродо. – Я думал, ты хоть неделю побудешь тут со мной, поможешь мне...

– Помог бы, обязательно помог бы, но теперь вот решил идти. Меня может долго не быть, но я повидаюсь с тобой непременно, как только смогу. Жди меня в любой день, но открыто я больше в Шир не приду. Не любят меня здесь, оказывается. Говорят, спокойствие нарушаю. Бильбо вот похитил, если не хуже. Поговаривают, – маг подмигнул, – мы с тобой сговорились, чтобы здешние сокровища прикарманить.

– Да ну их! – воскликнул Фродо. – Это ведь Отто с Лобелией. Фу, гадость какая! Да я бы им не только Засумки отдал, но еще и от себя бы добавил, лишь бы вернуть Бильбо или вместе с ним бродяжить уйти. Только я Шир люблю, – вздохнул он. – Правда, если так дальше пойдет, меня тоже странствовать потянет. Интересно, увижу я Бильбо когда-нибудь?

– Мне тоже интересно, – ответил маг, – и не только это. Ладно, до свидания, малыш. Береги себя. И жди меня. Особенно в неподходящее время. Всего доброго!

Фродо проводил мага до дверей. Гэндальф махнул на прощание рукой и ушел, шагая удивительно быстро. Но Фродо, глядя на его согбенную спину, вдруг подумал, что старый маг несет на плечах груз куда более серьезных забот, чем потешные огни. Серый плащ мелькнул в наступающих сумерках и пропал.

Прошло немало времени, прежде чем Фродо встретил Гэндальфа снова.

Глава II Тень прошлого

Гэндальф оказался прав. Новое исчезновение Бильбо дало пищу разговорам не только в Хоббитоне, но и по всему Ширу. Об этом судачили год, а вспоминали и того больше. Со временем Сумникс-заумникс, исчезающий с треском и блеском, а появляющийся с мешком золота и драгоценных камней, стал любимым героем всяческих баек и страшных историй, из тех, что так хорошо слушаются зимой у камина.

Но пока история была у всех на слуху, у очевидцев и их слушателей постепенно сложилось единодушное мнение о старом, беспутном Бильбо, который, видно, свихнулся окончательно и удрал неведомо куда, чтобы сгинуть в реке ли, в болоте ли; да ведь и то сказать: пожил, пора и честь знать. Ну а сбил его с панталыку, вестимо, Гэндальф.

– Ладно – Бильбо, – качали головами старики, – лишь бы этот проклятуший чародей Фродо в покое оставил. Может, уймется малый, наберется ума, еще, глядишь, нормальным хоббитом станет!

Ко всеобщему удивлению, маг оставил-таки Фродо в покое и сам, в свою очередь, куда-то запропал. Да только ума это Фродо не прибавило. Уже очень скоро за ним прочно укрепилась репутация хоббита со странностями. Начать хоть с отказа от траура! На следующий год Фродо, нимало не заботясь о том, как посмотрят на это соседи, устроил праздник в честь стодвенадцатилетия Бильбо. Правда, торжество получилось скромным – гостей собралось не больше двадцати, да и тех, как говорят хоббиты, «едой припорошило, винцом покрапало», – и о празднике скоро забыли. Однако через год Фродо дал понять, что намерен отмечать день рождения сгинувшего дядюшки ежегодно, и скоро к этому привыкли. Сам Фродо не раз говаривал, что не верит в кончину Бильбо, но на вопросы о том, где же тогда искать старого хозяина Засумок, только пожимал плечами.

Жил он один, но друзей имел, не в пример Бильбо, много – в основном молодежь из рода Старого Тука. Они и раньше частенько навещали Засумки, а теперь и вовсе чувствовали себя здесь как дома. Чаще других Фродо навещали Фолко Умникс и Фредегар Пузикс, но в ближайших друзьях ходили Перегрин Тук (которого все звали попросту Пиппин) и Мерри Брендискок (настоящее-то имя – Мериадок, но об этом редко кто вспоминал). Вот эта троица и бродила по всему Ширу, хотя часто Фродо, к удивлению добропорядочных хоббитов, видели и одного, то на тропинках Уводья, а то и вовсе в Северной Чети, в холмах, под звездами. Мерри и Пиппин полагали, что их друг, как раньше Бильбо, гостит у эльфов.

Шло время, и вот сначала кто-то один, а потом и многие стали замечать и за Фродо признаки «отменной сохранности». Внешне он выглядел здоровым, энергичным хоббитом, едва вышедшим из доростков, да ведь лет-то ему было уже немало.

Приятно чувствовать себя хозяином настоящего имения, «господином Сумниксом с Сумкиной Горки», весьма приятно, и несколько лет Фродо был совершенно счастлив и совсем не заботился о будущем. Но от года к году где-то в самой глубине сознания хозяина Засумок росло сожаление о неких упущенных возможностях. Временами, особенно осенью, он вдруг начинал грустить о каких-то диких краях, и странные видения незнакомых гор наполняли его сны. Тогда-то Фродо и говорил себе: «А что? Может, однажды и я уйду за Реку», но тут же отвечал: «Не сейчас, конечно, когда-нибудь потом».

Он и не заметил, как промчался четвертый десяток, близилось пятидесятилетие. Дата казалась ему значительной, если не грозной. Бильбо было столько же, когда его настигло Приключение. Покоя уже не было; старые, милые и такие знакомые тропинки наскучили Фродо. Он теперь часами просиживал над картами и все гадал – что там, за границами, что таят эти сплошные белые пятна? Все чаще и все дальше уходил он один, вызывая у Мерри и остальных друзей нешуточное беспокойство.

В ту пору в Шире как никогда развелось разных чудных странников, и Фродо не раз замечали беседующим с этим переходимым человеком. Шир полнился слухами о небывалых событиях, творящихся в мире, а Гэндальф сгинул напрочь и за несколько лет не удосужился даже весточки о себе подать, так что Фродо по мере сил собирал новости. Эльфы, которые раньше в Шир почти не заглядывали, вдруг двинулись на запад. В вечерних сумерках они шли по лесным тропинкам, шли и не возвращались, покидали Среднеземье, предоставляя разбираться с новыми тревогами и заботами остающимся. Затем на дорогах стали встречать гномов, да столько, сколько никогда не видели. Древней Западной Дорогой они и прежде добирались к своим копиям в Синих Горах, но вообще-то она вела в Серебристую Гавань. Именно от гномов и получали в Шире новости, да только гномы неразговорчивы, а хоббиты нелюбопытны. Однако теперешние гномы были все больше чуждавшие и не к древним копиям направлялись, а просто искали пристанища на западе. Вид у них был встревоженный, и Фродо не раз приходилось слышать произнесенное шепотом слово «Враг» и зловещее название страны далеко на востоке – Мордор.

Не сказать, чтобы оно было совсем незнакомым – оно маячило зловещей тенью в глубинах самых седых легенд. По последним слухам выходило, что злая сила, изгнанная Белым Советом из Сумеречья, тут же объявилась в древних твердынях Мордора. Говорили о Темной Крепости, отстроенной заново... Там рассадник войн и сердце страха, расползающегося по жилым землям. Беглецы сообщали, что в горах снова развелись орки. Да что – орки! Тролли появились: коварные, вооруженные, куда более опасные, чем встарь. И полз шепоток о существах еще более жутких, неведомых доселе и неназываемых.

Большинство-то хоббитов по-прежнему не брало эти разговоры в голову, но отмахиваться от беспокойных вестей становилось все затруднительнее. Некоторые ведь бывали по делам в Приграничье и тоже рассказывали о всяких неприятных диковинках.

Как-то раз, по весне, аккурат в год пятидесятилетия Фродо, в «Зеленом Драконе» – трактире на дороге в Уводье – в самой, можно сказать, середине Ширы, – состоялся примечательный разговор.

В углу, возле камина, сидел Сэм Гэмджи – сын Старичины Хэма, а против него нянчил кружку мельников Тэд Песошкинс. Вокруг собрался прочий деревенский люд, со вниманием прислушивавшийся к беседе.

– Много странного всякого слышать у нас в последние дни, – говорил Сэм.

– А, брось! – отмахнулся Тэд. – Ты слушай больше, не такое услышишь. Всякой брехни мне и дома хватает.

– Может, у тебя дома брехни и хватает, про то тебе виднее, – не спустил мельнику Сэм, – а в том, что говорят, правды больше, чем ты думаешь. Ведь разговоры откуда-то берутся, верно? Вот хоть драконов возьми...

– Спасибо, обойдусь, – ответил Тэд. – Когда маленький был, на всю жизнь про них наслушался, а теперь они мне ни к чему. Есть один в Уводье – наш «Зеленый», и хватит. Верно, ребята? – спросил он под общий хохот собравшихся.

Сэм, посмеявшись вместе со всеми, гнул свое.

– Ладно, не хочешь драконов – не надо. А про ходячие деревья что скажешь? Говорят, видели одно за Вересковой Пустошью на днях...

– Да кто говорит-то?

– А братан мой, Хэл. Он тут работал в Перегорках у господина Умникса, а потом подался на охоту в Северную Четь и сам видел.

– Ага. Хэл твой вечно чего-то видит, особенно то, чего нету.

– Как это – нету? Высоченное, как вяз, а один шаг – семь ярдов!

– Ну, стоит себе вяз и стоит. Эка невидаль!

– Да говорю тебе – шло оно! А потом, всякий знает – нету в Северной Чети вязов!

– Ну, значит, твоему Хэлу и видеть нечего, – победно заявил Тэд.

Многие слушатели одобрительно засмеялись. По их мнению, Тэд заработал очко.

– Все равно, – не уступал Сэм. – Разве мало чудного народа сейчас проходит через Шир? Его что, только Хэл видит? А сколько их еще на границах сворачивает? Сам ведь знаешь, околотни отродясь так не суетились. Я вот слыхал, Эльфы на Запад уходят, к Морю идут, за Белые Башни. – Сэм неопределенно махнул рукой. Ни он сам, да и никто из собравшихся не знали толком, где это самое Море и сколько до него добираться. Но всем было известно древнее предание о Серебристых Гаванях, где время от времени поднимают паруса эльфийские корабли, чтобы уйти из Среднеземья и никогда не возвращаться.

– И вот плывут они, плывут за Море, идут на Заокраинный Запад, а нас здесь оставляют, – пригорюнившись, говорил нараспев Сэм, похоже, видя перед собой эти гордые и печальные эльфийские корабли, но тут Тэд захохотал во все горло.

– Старые сказки! – авторитетно заявил он. – Ну, плывут и пусть себе плывут. Тебе-то какое дело? Или мне, положим. А потом, видал, что ли, кто, как они плывут? Да ни одна живая душа в Шире!

– Ну, не знаю, – задумчиво произнес Сэм. Он никому не рассказывал, как однажды издали вроде бы видел эльфа на опушке леса и сильно надеялся еще увидеть. Никакие истории из слышанных в детстве не запали ему в сердце так глубоко, как путанные и отрывочные предания об эльфийском народе.

– Даже в наших краях, – обиженно проговорил Сэм, – есть такие, которые знали с Дивным Народом. Вот хоть господин Сумникс, хозяин мой. Он тоже говорит, что Эльфы уплывают, а уж он-то о них кое-что знает. А старый господин Бильбо куда больше знал и мне рассказывал, когда я еще мальчонкой был.

– А-а, оба сдвинутые! – пренебрежительно отмахнулся Тэд. – Старый-то Бильбо просто сумасшедший был, но и Фродо, похоже, по той же дорожке пошел. Вот, значит, откуда твои новости! Так бы и сказал сразу, нам бы голову не морочил. Ладно, я – до дому. Ваше здоровье! – Тэд опорожнил кружку, громко стукнул ею по столу и вышел за порог.

Сэм больше не пытался никого убеждать. Он сидел себе в уголке и думал. Думал о том, что работы в усадьбе непочатый край, трава вон растет не по дням, а по часам, полоть надо... нет, не только сад был у него на уме. Наконец он вздохнул, допил пиво и вышел потихоньку.

Было начало апреля. После недавнего ливня небо расчистилось, и поздние светлые сумерки незаметно перетекали в ночь. Хоббитон засыпал под ясными звездами, а Сэм неторопливо шагал по дороге и посвистывал задумчиво.

Примерно в это время после долгого отсутствия объявился Гэндальф. Раньше он заглядывал изредка, всегда – неожиданно, всегда – ночью. Посмотрит на Фродо, поговорит о пустяках и перед рассветом – был таков. А потом пропал. И вот уже лет девять о нем не было ни слуху ни духу. Фродо уже подумывал с грустью, что, видать, хоббитские дела совсем перестали интересовать Гэндальфа Серого. Но вот как-то раз тем самым вечером, когда Сэм в задумчивости брел домой, в окне кабинета Фродо раздался знакомый стук. Фродо с радостью бросился открывать, и уже через минуту они с Гэндальфом сидели у окна, разглядывая друг друга.

– Все в порядке, а? – спросил Гэндальф. – Ты все такой же, Фродо!

– И ты тоже, – улыбнувшись, ответил Фродо, а про себя отметил, что Гэндальф выглядит усталым и постаревшим. Хоббит тут же засыпал его вопросами, и за разговорами о последних событиях и о делах самого мага они засиделись далеко за полночь.

Наутро, после завтрака, Фродо затопил камин (после дождей было сыровато), и они снова уселись возле окна. В саду буйствовала зелень, и на каждом листочке, на каждой веточке бриллиантово посверкивали капельки росы. Гэндальфу припомнилась похожая весна – лет, кажется, семьдесят назад, – когда Бильбо сбежал из Засумок, не прихватив с собой даже носового платка. Пожалуй, седины у мага в голове с тех пор прибавилось, борода стала подлиннее, но глаза сверкали по-прежнему и курил он, развлекаясь пусканием колец, с прежним удовольствием. Фродо же, напротив, сидел, погружившись в беспокойные мысли. Даже утренний свет замглился для него принесенными магом известиями. Наконец он нарушил молчание.

– Ты вчера начал о кольце моем говорить, да сам же решил отложить до света. Ты сказал: оно опаснее, чем я думаю... Так что там с ним такое?

– Видишь ли, – неторопливо начал маг, – оно действительно оказалось неизмеримо могущественнее, чем я предполагал. Сила его столь велика, что никому из смертных не владеть им. Наоборот, это оно завладеет любым своим обладателем.

Это давняя история. Когда-то в Эрегионе эльфы отковали несколько, как вы их называете, волшебных колец. Одни были посильнее, другие – послабее. Сначала, пока они учились, кольца были слабые. Для эльфийских мастеров это была просто интересная задачка, но эльфийские забавы могут оказаться опасными для смертных. А Великие Кольца, изготовленные последними, опасны необыкновенно.

Видишь ли, милый мой, – маг испытующе взглянул на Фродо, – тот, кто владеет одним из Великих Колец, не умирает. Правда, и не живет тоже. Он просто *продолжается* до тех пор, пока не устает от ноши времени. А если он еще и часто прибегает к Кольцу, для невидимости, там, или для чего другого, – участь его еще горше. Он словно истачивается о время, бледнеет, выцветает, пока не сходит на нет, пока не исчезает для этого мира навсегда, пока не оказывается обречен вечно бродить в нездешнем сумраке под неусыпным взором темной силы, которой подвластны кольца. Это неизбежно, дело только во времени. Если обладатель Кольца крепок духом и чист в помыслах – позже, в прочих случаях – раньше, но темная сила неминуемо подчинит его себе.

– Ужас какой! – вырвалось у Фродо, и в кабинете повисло долгое молчание, прерываемое лишь щелканьем ножниц Сэма в саду.

– И давно ты узнал об этом? – вымолвил наконец Фродо. – А Бильбо как же? Он тоже знал?

– Не больше, чем он тебе рассказывал, – отозвался Гэндальф. – Не стал бы он оставлять тебе Кольцо, если бы считал его опасным. Оно ему казалось прекрасным и полезным, а всякие неприятности, с ним связанные, он относил на свой счет. Он говорил, что Кольцо постепенно занимает все его мысли, он тревожился из-за него постоянно, но и думать не думал, что виновато в этом само Кольцо. Правда, Бильбо заметил, что Кольцо меняет размеры и вес, потому считал необходимым приглядывать за ним (да и за тобой просил) в оба глаза. Он знал, как легко оно может соскользнуть с пальца, на который перед тем едва влезло.

– Да, об этом он предупреждал меня в последнем письме, – кивнул Фродо. – Я его с тех пор всегда на цепочке держу.

– Весьма разумно, – одобрил маг. – Вот свое долголетие Бильбо с Кольцом никогда не связывал. Здоровье он считал своей собственной заслугой и гордился этим еще как. Но в последние годы неуютно ему было. «Тонкий я стал, – говорил он, – словно размазанный». Это Кольцо брало над ним верх.

– И давно ты об этом знаешь? – снова спросил Фродо.

– Знаю? – задумчиво повторил Гэндальф. – Мудрые, Фродо, много знают. Но про *это* Кольцо наверняка я не знаю и сейчас. Догадываюсь о многом, но пока сомневаюсь. Надо проверить кое-что. А впервые я стал догадываться... постой, когда же? – Маг потер лоб. – Пожалуй, в тот год, когда Белый Совет выгнал темную силу из Сумеречья. А накануне битвы Пяти Воинств Бильбо нашел Кольцо. Очень мне тогда беспокоило стало, хотя и без причины вроде. Я все думал – откуда у Горлума взялось одно из Великих Колец? А что Кольцо его из Великих – в том сомневаться не приходилось. Потом этот странный рассказ Бильбо про свой «выигрыш». Не поверил я ему. А когда добился от него правды, понял: ведь это он пытается доказать свои права на Кольцо. Ну совсем как Горлум со своим «подарочком на день рождения». Два вранья и такие похожие – забеспокоишься тут. В чем дело? Ясно ведь – в Кольце. Это оно заставляло врать своих владельцев. Так я получил первое серьезное предупреждение. Я советовал Бильбо пользоваться им пореже, да только он не слушал, злиться начинал. А что мне было делать? Не отбирать же Кольцо силой, не было у меня на то права. Да и вреда это принесло бы немало. Я мог только ждать и наблюдать. Хотел посоветоваться с Саруманом Белым, да что-то меня удержало.

– Кто это? – спросил Фродо. – Никогда о нем не слышал.

– Ничего удивительного, – улыбнулся маг. – Он хоббитами не интересуется. До сих пор не интересовался, по крайней мере. Саруман – мудрейший из Мудрых, магистр Ордена и глава Совета. Но знания его росли вместе с его гордостью. Он не терпит, когда вмешиваются в его дела. А эльфийские кольца – малые и большие – он изучает давно. Только все, что он говорил на Советах, противоречило моим догадкам. Одних сомнений маловато для действий, и я все ждал, все наблюдал. С Бильбо ведь не случилось ничего плохого. Шли годы, и я снова начинал тревожиться: годы-то шли, да только не для Бильбо! Я успокаивал себя: «Подумаешь, – говорил я, – по материнской линии в роду у него много долгожителей. Куда торопиться? Подождем». И я ждал. Ждал до той самой ночи, когда он собрался уходить. Вот тут я увидел, как он мечется, и мне стало по-настоящему страшно. Никакие слова Сарумана уже не могли меня успокоить. Я своими глазами наблюдал, как действует темная сила. С тех пор я все пытаюсь постичь истину.

– Но ведь ему это не насовсем повредило? – с беспокойством спросил Фродо. – Он ведь оправится со временем, а?

– Ему уже лучше, – улыбнулся Гэндальф, но тут же нахмурился. – В этом мире, Фродо, все о Кольце может знать только одна сила. Правда, ни одна сила в мире не знает всего о хоббитах. Кроме меня, ими никто из Мудрых не интересуется. Это такая незаметная наука, хотя неожиданностей в ней полно. То эти хоббиты мягче масла, а то, глядишь, натыкаешься на них, как на старый древесный корень. Оказывается, некоторые из них способны сопротивляться Кольцу Власти дольше, чем думают Мудрые. Право, не стоит беспокоиться за Бильбо. Да, он

долго владел Кольцом и пользовался им иногда, это еще будет сказываться. Думаю, не скоро он сможет увидеть Кольцо снова без опасности для себя. Но жить спокойно и даже счастливо ему никто не мешает. Он ведь сумел расстаться с Кольцом по своей воле, а это очень важно. Нет, о почтенном Бильбо голова у меня больше не болит. Ты – другое дело. Я в последнее время только и занимаюсь этими симпатичными, бестолковыми хоббитами. Ты даже не представляешь, какая будет потеря для всего Среднеземья, если темная сила накроет Шир и все ваши Пузиксы, Умниксы, Дудкинсы и Помочь-Лямкинсы (да, чуть не забыл чудаковатых Сумниксов!) станут ее рабами.

Фродо содрогнулся.

– С какой стати? – вырвалось у него. – И зачем этой силе такие рабы?

– Сдается мне, – слегка улыбнулся Гэндальф, – что, на ваше счастье, до недавних пор эта сила и знать не знала о каких-то там хоббитах. Но с *недавних* пор ваше безопасное житье кончилось. Конечно, Врагу вы не нужны – слуг у него достаточно. Но больше он о вас не забудет и не успокоится, пока не превратит счастливых и свободных хоббитов в жалких рабов. По злобе. И из мести.

– Злоба? Мечь? – удивленно переспросил Фродо. – Но за что нам мстить? Я так и не понял, какое Врагу дело до нас с Бильбо и до нашего Кольца?

– Ему до всего есть дело, – вздохнул Гэндальф. – Ты пока не видишь грозящей опасности. Я и сам долго сомневался, но теперь время пришло. Я покажу тебе. Дай-ка мне Кольцо на минутку!

Фродо с удивлением достал Кольцо, отцепил с цепочки и неохотно протянул магу. Оно показалось ему таким тяжелым, что он едва сумел вытянуть руку.

Гэндальф взял Кольцо. Оно сияло у него в пальцах чистым золотым блеском.

– Видишь на нем какие-нибудь знаки? – спросил он Фродо.

– Нет там ничего, – ответил хоббит, – и никогда не было. Я сто раз смотрел.

– Ну, тогда смотри еще! – И маг, к ужасу Фродо, бросил Кольцо в камин, в самый жар.

Фродо вскрикнул и схватился за щипцы, но Гэндальф остановил его.

– Подожди! – приказал он, метнув на Фродо внимательный взгляд из-под косматых бровей.

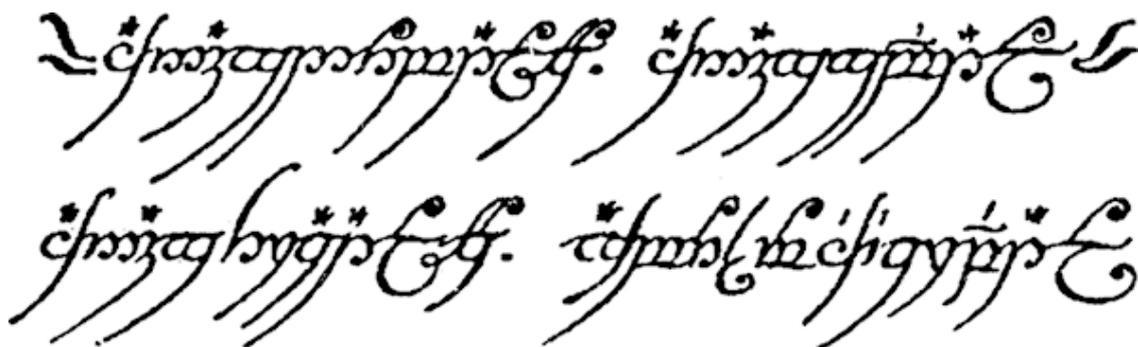
С Кольцом ничего такого не происходило. Оно лежало себе на углях, темнея четким контуром. Спустя минуту-две Гэндальф поднялся, закрыл ставни и задернул занавеску. В комнате стало темно и тихо, только Сэмовы ножницы приглушенно клацали под окном. Маг еще немного постоял, глядя в огонь, потом щипцами выкатил Кольцо из камина и поднял его. Фродо перевел дух.

– Холодное! – сказал Гэндальф. – Держи!

Фродо принял Кольцо дрожащей рукой, и оно показалось ему плотнее и тяжелее обычного.

– Смотри внимательно, – велел Гэндальф.

Фродо взгляделся и, к своему изумлению, обнаружил на совершенно гладкой прежде внутренней поверхности ясно видимые письмена, начертанные тончайшими штрихами. Впрочем, нет, первое впечатление обмануло его. Знаки словно проступали огненно из глубины Кольца.

– Я не могу прочесть, – едва слышно произнес Фродо.

– Не можешь, – жестко подтвердил Гэндальф. – Зато я могу. Руны древние эльфийские, а язык – мордорский. Не надо ему здесь звучать. Я переведу для тебя надпись на Всеобщее наречие. Слушай!

*Чтобы всех отыскать, воедино созвать
и единою черною волей сковать...*

Здесь только две строчки из древнего заклинания, слишком памятного по эльфийским преданиям:

*Три – эльфийским Владыкам в подзвездный предел;
Семь – для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять – смертным, чей выверен срок и удел,
И Одно – Властелину на черном престоле
В Мордоре, где вековечная тьма:
Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать
В Мордоре, где вековечная тьма.*

Маг замолчал, а потом продолжал медленно, глухим голосом:

– Это – Кольцо-Владыка. Это оно призвано сковать всех черною волей. Это его потерял Враг много веков назад, утратив вместе с ним большую часть своей силы. Он жаждет заполучить его больше всего на свете, но он не должен его получить.

Фродо сидел ни жив ни мертв. Ему уже виделась ужасная длань, занесенная с Востока как грозная туча, готовая накрыть и его, и Шир, и весь этот весенний мир.

– Но как же... – он запнулся, голос вдруг перестал ему повиноваться, – как же оно мне досталось?

– А-а, – протянул Гэндальф, – это длинная история. Начало ее теряется в Черных Годах, а память об этом времени осталась только у Мудрых. Если бы я решил рассказывать тебе все, нам и до зимы не управиться. Вчера я говорил о Сауроне Великом, Темном Властелине. Так вот, он снова восстал и вернулся в Мордор. Даже вам должно быть знакомо это название, оно

призраком проходит по краю самых древних ваших преданий. После каждого поражения Мрак менял обличья и разрастался вновь.

– Лишь бы теперь этого не случилось! – не сдержался Фродо.

– Мне тоже этого не хотелось бы, – согласился маг, – как не хотелось, уверяю тебя, всем, жившим под угрозой Мрака раньше. Только ведь их желания не спрашивали. Мы не выбираем времена. Мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас. А наше с тобой, Фродо, время чернее день ото дня. Враг быстро входит в силу. Пока планы его зреют, но, когда настанет их срок, нам придется туго. Нам пришлось бы очень туго даже без этой роковой находки... – Он показал глазами на Кольцо. – Оно нужно ему. Вернув утраченную мощь, он станет непобедим, тогда не устоят последние наши оплоты, и все земли скроет Вторая Тьма. Ему очень нужно это Кольцо. Три Кольца, светлейшие из всех, эльфийские владыки укрыли от Врага, он не коснулся их. Семью владели гномы. Три из них Враг обнаружил, четыре сожгли драконы. Девять Колец он подарил смертным. О! Это были величественные и гордые короли. С тех пор они в ловушке. Много веков назад попали они под власть Кольца и стали Призраками, тенями во мраке, самыми ужасными слугами Саурона. Много веков назад в мире в последний раз видели Девятерых, но – кто знает? Мрак растет, могут вернуться и они. Ладно, хватит! – оборвал себя маг. – Не стоит говорить об этом даже таким чудесным утром в мирном и уютном Шире.

– Вот оно как, Фродо... – продолжал он некоторое время спустя. – Девять – у него. Семь – считай, тоже, кроме тех, которых нет. Три пока скрыты. Но они не интересуют его. Одно, только Одно ему нужно, то, которое сделал он сам, то, которое он наделил своей собственной огромной силой, которое выковано для того, чтобы править остальными. Попади оно к нему в руки – тогда не устоять даже Трем эльфийским, а все, созданное с их помощью, придет в запустение.

Вот в чем ужас-то, Фродо! Он ведь думал, что Одно исчезло, что эльфы уничтожили его, ведь только так и должно было быть! И вдруг он узнает, что Одно нашлось. Теперь он ищет его, только об этом и думает. Оно – его величайшая надежда и наш величайший страх...

– Ну почему, почему его не уничтожили! – закричал Фродо. – Раз Враг такой могучий, раз Кольцо для него такая ценность, как же он потерял его? – Рука Фродо стиснула Кольцо в кулаке, словно не желая отдавать протянувшимся призрачным щупальцам Мрака.

– Кольцо у него отобрали, – сказал Гэндальф. – Тогда эльфы не уступали ему в могуществе, к тому же многие люди были на их стороне, и какие люди! В ту пору нуменорцы пришли на помощь Среднеземью. Вот уж эту главу из древней истории следует рассказать! Тогда тоже сгущался Мрак, но на его фоне блистали величайшая доблесть, богатырские подвиги, и блистали не напрасно. Когда-нибудь я расскажу тебе о тех днях, а может, тебе расскажут другие, кто помнит их лучше... А пока скажу только главное: о том, как эта вещь попала к тебе.

Гил-Гэлад, Король Эльфов, и славный Элендил с Заокраинного Запада одолели Саурона в бою, хотя и ценой собственной жизни. Сын Элендила, Исилдур, отсек мечом палец Саурона вместе с Кольцом и взял Кольцо себе. Дух Саурона вынужден был бежать и долгие годы скрывался, пока тень его снова не обрела форму в дебрях Сумеречья. Но Кольцо... Кольцо пропало. Исилдура на берегу Реки, возле Оболони, подстерегли орки. Весь отряд пал в бою. Сам же Исилдур, надев Кольцо, бросился в воду и ушел бы, конечно, ведь орки не видели его, но тут Кольцо соскользнуло у него с пальца, и туча стрел накрыла его... – Гэндальф помолчал. – Там, в темных затоках Оболони, Кольцо исчезло из легенд и историй, кануло в небыль, но об этом знали немногие. Даже Совет не знал большего. И вот теперь, после долгих поисков и размышлений, я, кажется, могу продолжить историю Кольца Всевластья.

Века спустя, но все равно очень далеко от твоего времени, жил на берегах Реки, на самом краю Глухих Земель, искусный, быстрый народец. Думаю, они вам родня, скорее Хватам, чем прочим. Воду они любили, строили лодочки из тростника, рыбку ловили... И была там семья

одна, зажиточная, уважаемая и многочисленная. Заправляла всем суровая и мудрая бабушка. Одного непоседливого отпрыска звали Смеагорл. Все-то ему интересны были всякие корни да начала. То он нырял в глубокие озера, то рылся под деревьями, то копал глубокие ямы и только наверх старался глаза не поднимать. Не нужны ему были ни солнышко, ни листва на деревьях, ни открытые всем ветрам вершины холмов.

И был у него друг по имени Деагорл, тоже вроде него, остроглазый, но не такой прыткий и послабее. Как-то раз отправились они на лодке к Оболони, там тогда цвели огромные поля ирисов. Смеагорл хлюпал по грязи возле берега, лягушек пугал, а Деагорл удил с лодки рыбу. Он уже задремывать начал, а тут такое клюнуло, что в миг его из лодки вон вынесло и ко дну потащило. Леску-то он выпустил, да в последний момент заметил на дне что-то блестящее и подхватил. А когда вынырнул, весь в водорослях, подплыл к берегу и поболтал в воде ладошкой – глядь! в руке у него оказалось дивное золотое кольцо! И так оно сияло и переливалось на солнце, что Деагорл закричал от радости. А с берега из-за дерева наблюдал за ним его приятель. Пока незадачливый рыбак разглядывал свою находку, он подкрался к нему сзади и заглянул через плечо.

– Дай нам *это*, Деагорл, голубчик, – попросил он вкрадчиво.

– Это еще с какой стати? – опешил Деагорл.

– А с такой, что у нас день рождения, голубчик, мы его хотим.

– А мне-то что! – хмыкнул Деагорл. – Я тебе уже подарил подарок, хватит с тебя. А это я нашел, себе и оставлю.

– Конечно, конечно, голубчик, – согласился Смеагорл, схватил приятеля за горло и задушил его, так понравилась ему блестящая находка. А потом он надел Кольцо на палец.

О судьбе Деагорла так никто и не проведал. Убит он был далеко от дома, и тело хитро спрятано. Смеагорл же, вернувшись один, очень скоро обнаружил, что его не замечает никто, если только Кольца не снимать. Ох уж доволен он был своим открытием, и вся его подлая натура тут просто расцвела. Он выведывал чужие секреты, пакостил всем, кому только мог, подслушивал и подсматривал, подкрадывался незамеченным и скоро настолько опостылел всей родне, что они лупили его при каждой возможности, а он кусал их за ноги. Он принялся воровать и теперь уж не разговаривал ни с кем, только урчал сам с собою «горлум, горлум», вот его и прозвали Горлумом, проклинали и велели убираться вон. Бабушка, чтобы сохранить мир в семье, самолично выставила его из норы.

Он поскулил, поплакал, пожаловался на несправедливость и жестокость мира, но, делать нечего, пошел себе вверх по Реке. Встретил ручеек, текущий с гор, и пошел к его истоку. Невидимыми пальцами ловил он рыбу в горных озерах и поедал ее сырой. Как-то раз стояла большая жара, Горлуму напекло голову и, когда он склонился попить над озерной гладью, солнечные блики больно ударили его по глазам. Он удивился. Никогда не поднимая головы, он успел забыть о солнце, а теперь, вспомнив, глянул вверх и погрозил ему кулаком. Взгляд его задержался на вершинах Мглистых Гор впереди, и внезапно Горлум подумал: «Там, под горами, должно быть темно и прохладно. Там солнцу ни за что не достать меня. А у корней гор – должны же у них быть корни! – наверное, таятся удивительные загадки, о которых никогда не слышали наверху».

И вот ночью он поднялся высоко по склонам, отыскал пещеру, из которой вытекал ручей, и как червяк, извиваясь, заполз внутрь, скрылся в самом сердце гор и исчез из истории наземья. Кольцо ушло вместе с ним, и даже его создатель, вернув со временем часть утраченной силы, ничего не мог разузнать о нем.

– Горлум? Ты сказал – Горлум? – вдруг дошло до Фродо. – Так это та самая тварь, с которой повстречался Бильбо? Мерзкая история!

– А по-моему, печальная, – возразил маг. – На месте Горлума могли оказаться и другие, даже кое-кто из знакомых мне хоббитов.

– Да не верю я, что он из нашего народа! – воскликнул Фродо. – С чего это тебе в голову пришло?

– Однако это правда, – ответил Гэндальф. – О вашем происхождении я знаю побольше вашего. Даже рассказ Бильбо подтверждает родство. Они ведь прекрасно поняли друг друга, куда лучше, чем хоббит мог бы понять гнома или эльфа. Даже загадки у них были общие.

– Ну, загадки и другие народы загадывают, – не соглашался Фродо, – и в общем-то одни и те же. Но хоббиты никогда не жульничают, а этот Горлум только и думал, как бы смухлеть. Он ведь ничего не терял в случае проигрыша.

– Ты не берешь в расчет одного, – терпеливо сказал Гэндальф, – Кольца. Горлум оказался для него таким крепким орешком, что даже после стольких лет оно не разрушило его окончательно. Какие-то проблески совести у него остались. Он оказался устойчивым, как... как хоббит. Где-то в сердце он сохранил уголок, и через него, как через щель, льется свет, пусть хотя бы только из прошлого. Я уверен, он рад был знакомому голосу, принесшему в его тьму отзвук ветра, образы деревьев, трав и прочих забытых вещей. Конечно, злая часть его природы от этого еще больше озлилась. Если бы с ней можно было справиться, если бы его еще можно было спасти... – Гэндальф вздохнул. – К сожалению, на это мало надежды. Но «мало» – не значит «нет». А ведь Кольцо у него очень давно. Правда, он не часто им пользовался... и не весь выцвел. Он тощий, но жилистый. Его сознание изъедено Кольцом, а все загадочные подгорные тайны на поверку оказались ничего не стоящими. Там нечего искать, нечего делать, разве что выслеживать пищу да предаваться обидным воспоминаниям. Со всех сторон – несчастное он существо. Ему опостылела тьма, свет он никогда не любил, а всему виной – Кольцо!

– Как это? – перебил Фродо. – Оно ведь для него «сокровище», «его прелесть»! Если бы он видел в нем свои беды, так избавился бы от него давно, бросил бы, ушел куда-нибудь.

– Ты слышал уже достаточно, чтобы начать понимать, – остановил его маг. – Да, он ненавидел Кольцо так же сильно, как любил. И себя любил и ненавидел. А воли на то, чтобы избавиться от Кольца, у него уже не осталось. Кольца Власти сами за собой приглядывают. Кольцо может покинуть владельца, переменить его, а тот, кто владеет таким Кольцом, по доброй воле с ним не расстанется. Думать об этом может, а сделать – нет. Насколько я знаю, кроме Бильбо? это никому не удавалось. Да и он-то едва справился, и не без моей помощи. Но если бы само Кольцо не помогло, все равно ничего бы не вышло. Это оно оставило Горлума.

– И пришло к Бильбо? – недоверчиво спросил Фродо. – А ты не думаешь, что какой-нибудь орк тут лучше сгодился бы?

– Не стоит иронизировать, дружок. Во всей этой долгой истории нет ничего более удивительного: Бильбо, заплутав в темноте, натывается рукой на волшебное кольцо! Здесь, Фродо, действует не одна сила, а несколько. Само Кольцо хочет вернуться к своему прежнему хозяину. Оно покинуло Исилдура и погубило его; оно поймало бедного Деагорла и тоже погубило, а затем высосало Горлума. Горлум стал мал и слаб и больше не нужен: что ж, Кольцу так и плавать взад-вперед по подземному озеру? А в это время воспрял хозяин, его темные мысли словно пронзили Среднеземье, – и Кольцо оставило Горлума. Для чего? Пока лишь для того, чтобы попасться самому подходящему владельцу – Бильбо из Шира!

Да, на замысел Врага это не похоже. Здесь действует другая сила? и, видно, именно она привела к Кольцу Бильбо, а не его создателя. Бильбо *суждено* было найти эту страшную штуку. Но тогда и тебе *суждено* владеть им. Только эта мысль и обнадеживает меня.

– А меня – нет, – недовольно помотал головой Фродо. – Я, наверно, не все понял. Мне сейчас другое интересно. Скажи, про Горлума и Кольцо ты точно знаешь или думаешь, что так могло быть?

Гэндальф хитро прищурился.

– Многое я знал, многое сумел узнать, но тебе про свои дела докладывать не собираюсь. История Кольца Власти, судьбы Элендила и Исилдура известны всем Мудрым. А в том, что твое кольцо – то самое Кольцо Всевластия, я убедился недавно.

– Но когда? – нетерпеливо воскликнул Фродо.

– Да вот только что, в этой самой комнате. Правда, я уже знал, что не ошибаюсь. Мне пришлось долго и трудно идти к этой последней проверке. Я долго не мог взять в толк, как в эту историю попал Горлум. Пришлось поломать голову. Впрочем, в догадках больше нет нужды. Я видел его.

– Горлума? – подскочил Фродо.

– Горлума, конечно. Чему тут удивляться? Найти его было непросто, времени потребовало, но теперь и это сделано.

– Тогда ты знаешь, что было после той их встречи с Бильбо? Знаешь ведь?

– Знаю, но не наверняка. Я пользовался тем, что узнал от самого Горлума, а он ведь врет на каждом шагу. Любое его слово нужно разглядывать и проверять со всех сторон. Например, он упорно зовет Кольцо «подарочком на день рождения», хоть ты режь его! От бабушки, дескать, досталось, а у нее таких штук полно было. Я готов поверить, что его бабушка была весьма почтенной особой, но уверять меня в том, что у нее было множество эльфийских колец власти – напрасное дело, а твердить, что она дарила их направо и налево – зря время терять. Видишь ли, убийство Деагорла тяжелым пятном легло на совесть Горлума, вот он со временем и придумал историю, а пока сидел в темноте и глодал кости, почти поверил в нее и сам. Ведь день рождения у него и правда был, и Деагорл мог бы подарить ему Кольцо. Кольцо подвернулось очень кстати, оно ему должно было достаться, ну и так далее. Я долго терпел, выслушивая от него все эти бредни, но мне нужна была правда. Пришлось припугнуть его и в конце концов выжать подлинную историю, все равно по капле, все равно вместе с причитаниями и недомолвками. Уж он юлил, уж он изворачивался, но рассказал все и про загадки, и про бегство Бильбо. А вот дальше я не стал его мытарить. Какой-то другой страх, сильнее, чем передо мной, не давал ему говорить. Он только грозился «еще отобрать свое», у него-де теперь тоже друзья есть, и очень даже сильные, они ему помогут, Сумникс еще поплатится, вор такой! Вот на этом его заколодило. Как он клянет и ненавидит Бильбо, если бы ты знал! И, между прочим, помнит, откуда Бильбо родом.

– Это как же? – похолодев, спросил Фродо.

– Так ведь Бильбо ничего глупей не придумал, как представиться, а чтобы узнать, откуда такие берутся, надо было только наружу вылезти. Он и вылез. Без Кольца он не может, и ни свет, ни орки его не остановили. Год-другой промучался и вылез. Кольцо ему уже не вернуть, оно отпустило Горлума, поэтому, выбравшись на белый свет, он почувствовал себя старым, голодным, но терять ему теперь было нечего.

Свет он ненавидит по-прежнему, тут вряд ли что изменится, но он приспособился безлунными ночами выслеживать себе пропитание и скоро окреп на свежем воздухе, осмелел и нашел-таки дорогу в Сумеречье.

– Ты там его и встретил?

– Я видел его там. Но где он был до этого? Его непросто понять. Он то плачет, то грозит. Все приговаривает: «Что там у него в кармане? Я не догадался, нет, моя прелесть, не догадался! У-у, мошенник! Нечестный вопрос! Не по правилам. Он первый обманул. А ведь я мог бы придушить его, моя прелесть! Мог бы!» И так без конца. Но у меня хватило терпения; по намекам, по недомолвкам я понял, что ему удалось дошлепать до Эсгарота. Везде он вынюхивал, подслушивал, а молва о великих событиях далеко разошлась по Диким Землям, Бильбо поминали частенько, Горлуму нетрудно было вызнаться, откуда он родом. Мы ведь не скрывались, когда возвращались в Шир.

– Так почему же он не пришел сюда? – дрожа от возбуждения, спросил Фродо.

– Да, – задумчиво кивнул Гэндальф, – вот мы и до этого добрались. Думаю, он пытался. Во всяком случае, он шел на запад, дошел до самой Великой Реки и... повернул. Нет, его не расстояние испугало. Есть какая-то другая причина. По крайней мере, так думают друзья, выследившие его для меня.

Сначала по свежему следу его вели Сумеречные Эльфы. Птицы и звери были здорово напуганы, лес полнился разговорами о призраке-кровопийце, похищавшем птенцов из гнезд и детенышей из нор. Но схватить его не удалось, а когда след повернул на юг, эльфы отстали. И тут я совершил ошибку. Боюсь, она нам еще дорого обойдется. Я позволил ему уйти, оставил все как есть. Многого я еще не знал, а главное – доверял Саруману. На исправление этой ошибки ушли годы, а в них было немало темных, опасных дней. Когда я вновь решил пойти по следу, он давно остыл. Это было уже после ухода Бильбо. Если бы не помощь моего давнего друга Арагорна, ничего бы не вышло. Он величайший Следопыт. Вместе с ним мы обыскали Дикие Земли – и напрасно. Я потерял надежду, ушел в другие края, и тут Горлума словили. Мой друг вернулся из опаснейшей вылазки и приволок эту несчастную тварь.

Он скулил, жаловался, обвинял нас в жестокости, это был сплошной «горлум-горлум», а когда на него нажали, начал корчиться, словно вспомнил недавнюю пытку. Сомнений не было: он таки прокрался на юг и добрался до Мордора.

Страшная тишина повисла в кабинете. Фродо слышал только суматошные удары собственного сердца. Даже из сада не доносилось ни звука.

– Мордор! – словно очнувшись, произнес Гэндальф. – Он притягивает к себе все злое, подчиняет волю самых разных существ и созывает их в свои пределы. Кольцо Врага сделало Горлума доступным этому зову. Многие заговорили о новом Мраке с юга, Мраке, ненавидящем Запад. Вот откуда были его «новые, с-славные друзья», обещавшие ему помочь отомстить. Глупец! Сунувшись в Мордор, он был обречен. Его схватили, пытали. К нам он попал уже на обратном пути. Видно, ему дали какое-то поручение. Впрочем, это уже не важно. В Мордоре свершилось худшее. Враг понял, какое кольцо нашлось. Он знает, где погиб Исилдур. Он знает, где нашел Кольцо Деагорл. Он понял, что это одно из Великих Колец, достаточно было сообщить возраст Горлума. Это не могло быть Одно из Трех. Их никто не терял, и зла в них не было. Семь и Девять сочтены им. Значит, у Горлума оказалось Одно, единственное. И наконец, Враг узнал о хоббитах и Шире. Думаю, он уже знает, где это. Боюсь, он уже подумывает о том значении, которое приобретает в судьбах Среднеземья доселе неприметная фамилия Сумникс.

– Но это же ужасно, то, что ты говоришь! – закричал Фродо. – Куда хуже, чем я думал! Гэндальф! Ну скажи же, что делать? О, какая жалость, что Бильбо не убил эту подлую тварь, ведь он мог это сделать, мог!

– Жалость? Да, жалость как раз и остановила Бильбо. И еще – милосердие: нельзя убивать без нужды. Награда не заставила себя ждать. Кольцо не справилось с ним лишь потому, что, забрав его, Бильбо начал с жалости.

– Конечно, ты прав, – сказал Фродо. – Я перепугался, у меня голова кругом пошла, но... ты знаешь, у меня все равно нет к Горлуму никакой жалости.

– Ты не видел его, – нахмурился Гэндальф.

– Не видел и не хочу! – воскликнул Фродо. – Да какая разница? Ведь ты же не хочешь сказать, что после всего ты и эльфы оставили его в живых! Ведь он же не лучше любого орка, он – вражий прихвостень! Он заслуживает смерти!

– Верно. Заслуживает. И не только он. Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших – жизни. Ты можешь вернуть ее им? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшим из Мудрых, не дано видеть все хитросплетения судьбы. Вряд ли Горлум исправится прежде, чем умрет, и все же такая возможность есть. Его судьба не случайно переплелась с историей Кольца, и, сдаётся мне, роль свою он сыграл не до конца. А коли так, еще неизвестно, чем обернется простая жалость хоббита Бильбо для судеб всего

этого мира, а для твоей собственной судьбы – тем паче. Горлум стар и очень несчастен. Нет, мы не убили его. Эльфы Сумеречья стерегут его, но им не занимать мудрости и обращаются с ним мягко.

– Ладно. Пусть Бильбо не должен был убивать Горлума. Но зачем он взял Кольцо? Лучше бы он не находил его, тогда бы оно и мне не досталось. А ты? Зачем ты позволил мне держать его у себя? Почему не заставил выбросить такую страшную вещь?

– Позволил? Заставил? Да ты, видно, не слушал меня или вовсе голову потерял? Выбросить, значит? Такие кольца легко находятся, как ты мог заметить. В недобрых руках Кольцо способно принести большие беды. Но горшей беды, чем возвращение к Врагу, и придумать нельзя. А так наверняка и случилось бы. Враг напрягает всю свою мощь, всю волю, чтобы найти его и притянуть к себе.

Эх, Фродо, Фродо, конечно, оно опасно, и мне беспокоило за тебя. Но ты даже не представляешь, как много поставлено на карту. Только поэтому я рискнул. Да, я был далеко, но ни дня за все эти годы Шир не оставался без надежной охраны. Я был уверен, что ты не станешь пользоваться им часто, а до тех пор и бояться особенно нечего. К тому же девять лет назад я еще не все знал, а с той поры мы с тобой и не виделись.

– Значит, надо было уничтожить его, – не унимался Фродо. – Ты ведь сам сказал, что это нужно было сделать давным-давно. Хоть бы предупредил меня, хоть бы весточку послал, уж я бы с ним разделался!

– Интересно, как? – устало усмехнулся Гэндальф. – Ты пробовал?

– Нет, но... – Уверенности у Фродо поубавилось. – Ведь можно же как-то разбить или расплавить его...

– Ну что ж, – рассудительно произнес маг. – Попробуй! Прямо сейчас.

Фродо как-то нехотя достал Кольцо и взглянул на него. Оно снова стало гладким, сияющую поверхность не портила ни одна щербинка, ни одна отметинка. Фродо невольно подумал о том, как красива и совершенна его округлость. Сразу чувствовалось, что перед тобой драгоценная вещь. Еще минуту назад он собирался швырнуть его в огонь, в самый жар, и вдруг понял, что не в силах этого сделать. Нерешительно покачав Кольцо в руке, словно взвешивая, Фродо припомнил все ужасы, услышанные от Гэндальфа, пересилил себя и взмахнул рукой... но в итоге положил Кольцо в карман.

Гэндальф невесело рассмеялся.

– Вот видишь, – сказал он, – теперь и ты боишься расстаться с ним. А если бы я «заставил» тебя, ты бы не вынес принуждения. Разбить его нельзя. Самый тяжелый молот тут бессилён. В твоём камине и обычное-то золото не расплавить, но с Кольцом и кузнечный горн не справится. Говорят, Кольца Власти горели в драконьем огне, но вот беда, драконы перевелись нынче. Впрочем, даже Анкалагон Черный, дракон из драконов, не справился бы с Кольцом Всевластья. Его ведь ковал сам Саурон.

Есть лишь один способ избавиться от твоего Кольца: бросить в жерло Ородруина. В недрах Огненной Горы даже Врагу не достать его, там оно сгинет. Если, конечно, ты действительно хочешь уничтожить его.

– Да хочу, конечно, хочу! – вскричал Фродо. – То есть не я, я ведь не смогу... Но пусть оно пропадет пропадом! Почему оно меня-то выбрало?

– На этот вопрос никто тебе не ответит, – покачал головой маг. – Не думай, заслуг у тебя особых нет, ни силы, ни мудрости. Но ты избран, значит, не о чем говорить, придется обходиться теми силами, сердцем и разумом, которыми располагаешь.

– Да на что я гожусь! Вот ты – сильный и мудрый. Может, ты и возьмешь его?

– Нет! – воскликнул Гэндальф, поспешно вставая. – С его силой мое могущество станет ужасным. А от меня и сила Кольца удесятерится! – Глаза мага горели, лицо словно осветилось внутренним огнем. – Не надо испытывать меня. У Гэндальфа Серого нет желания пре-

вращаться в Темного... Властелина. Да, Кольцо легко найдет дорогу к моему сердцу, хотя бы через жалость. Велика моя жалость к малым мира сего, и великая сила нужна мне, чтобы творить добро. Но я не возьму его, не возьму даже на хранение. Моих сил может не хватить, чтобы побороть искушение. Оно слишком необходимо мне, ибо впереди я предвижу великие опасности.

Маг резко повернулся, подошел к окну и распахнул ставни. В комнату хлынул солнечный свет. Невдалеке, посвистывая, шел по дорожке сада Сэм.

Некоторое время Гэндальф смотрел в окно, потом повернулся к Фродо и сказал:

– Решать придется тебе, но, какое бы решение ты ни принял, на меня можешь рассчитывать. Я помогу тебе нести это бремя, но у нас мало времени. Враг не медлит. Он действует.

В комнате снова надолго установилась тишина. Гэндальф давно сидел в кресле, задумчиво разглядывая дымные кольца и завитки, возникавшие над трубкой, но из-под полуопущенных век в то же время внимательно наблюдал за Фродо.

Хоббит сидел сгорбившись, не сводя глаз с догорающих углей в камине. Постепенно ему стало казаться, будто взгляд его погружается в какой-то огненный колодец, и он тут же вспомнил об огнедышащем жерле Ородруина.

– Ну, – прервал его мысли Гэндальф, – что ты надумал?

– А? – вздрогнул Фродо, с трудом возвращаясь к действительности. – Я не знаю еще, – проговорил он, удивляясь солнечному свету, заполнившему кабинет. Ведь только что в его мыслях царил мрак, перемежаемый огненными сполохами. – Хотя подожди. Если я правильно тебя понял, сейчас главная моя задача – сохранить Кольцо.

– Ну что ж, – медленно произнес Гэндальф, – храни. Если твоя цель будет состоять только в этом, особого вреда от Кольца не будет.

– А ты тем временем, может, найдешь кого-нибудь более подходящего, – быстро сказал Фродо. – А сейчас пока... я ведь стал теперь опасен, ну, для тех, кто рядом со мной, правда? Значит, мне нельзя оставаться в Шире. Придется бросать Засумки, бросать все и уходить. – Он тяжело вздохнул. – Как бы я ни относился порой к этим глуповатым пустомелям, но я должен спасти их. Хотя, знаешь, я иногда подумывал, что небольшое землетрясение или нашествие драконов пошло бы им на пользу. Но сейчас я так не думаю. Пусть все здесь останется уютным и безопасным – мне от этого легче будет. Хорошо знать, что где-то кто-то уверенно стоит на собственной земле, даже если этот кто-то – не я.

Помнишь, я собирался уйти с Бильбо, да и потом тоже... но я представлял себе, понимаешь, такие каникулы, или вот как у Бильбо... даже поинтересней и обязательно с хорошим концом. А теперь получается чуть ли не изгнание, бегство от одной напасти к другой, может быть, еще худшей, отныне опасности так и будут таскаться за мной хвостом. И, наверное, идти мне придется одному, правда? Я ведь... маленький, слабый, а Враг – он такой могучий и ужасный!

Фродо замолчал, но мысли его продолжали нестись вскачь. Он ощутил вдруг жгучее желание уйти как можно скорее, уйти вслед за Бильбо и, может быть – кто знает? – вновь встретить его. Желание было таким сильным, что даже страх отступил перед ним. Фродо чуть не поддался ему и не кинулся к дверям, забыв о шляпе, как некогда Бильбо не вспомнил о носовом платке.

– Фродо! Дорогой ты мой! – воскликнул Гэндальф. – Я всегда говорил: хоббиты – удивительный народ. Казалось бы – чего проще? Поживи с ними месяц – и все про них знаешь, а через сотню лет они вдруг такое выкинут! Признаюсь, при всем моем к тебе уважении, такого ответа я не ждал. Бильбо не ошибся в выборе наследника, хотя едва ли думал, насколько это важно. Наверное, ты прав. Кольцо уже не может оставаться в Шире, его здесь не скроешь. Придется уйти. Так и тебе, и другим будет лучше. И забудь про то, что тебя звали Сумником. Фамилия достойная, но за пределами Ширы весьма небезопасная. Что бы нам для тебя такое придумать? Давай-ка на время путешествия ты станешь Норохолм. А насчет того, с кем идти, ты уж сам решай. Если есть кому довериться, да чтобы еще отправился с тобой невесть куда, то почему бы не пойти в компании? Только, конечно, подумай прежде, а потом выбирай. И – очень тебя прошу – не болтай, пожалуйста, даже с ближайшими друзьями. У Врага везде уши... – Гэндальф вдруг замолчал, настороженно прислушиваясь. Фродо тоже обеспокоила какая-то неестественная тишина последних минут. Маг ловко и бесшумно пробрался к окну, резко перегнувшись и схватил что-то внизу. Под окном взвизгнули, и показалась вытягиваемая Гэндальфом за ухо курчавая голова Сэма.

– А-а, разрази тебя гром! – вскричал Гэндальф. – Да ведь это Сэм Гэмджи! Что это ты тут поделываешь?

– Ох, не надо грома, господин Гэндальф, сударь! – взмолился Сэм. – Что поделываю? Да вот, газончик под окошком подстригаю, зарос ведь он совсем, как же его не подстричь? – И Сэм для убедительности пощелкал в воздухе ножницами.

– Не врать мне! – сурово оборвал его маг. – Я твоих ножниц уже давненько не слышу. Зачем подслушивал?

– Чего? Кого? – На Сэме лица не было. – Что это вы такое говорите, сударь? Рано еще подсушивать, сена-то еще не набралось...

Брови у мага встали дыбом. У Фродо мелькнула мысль, что шутки кончились.

– Хватит валять дурака! Последний раз по-хорошему спрашиваю, что ты слышал и зачем это тебе понадобилось?

– Господин Фродо! – заверещал Сэм. – Не давайте ему превращать меня! Мой же старик не перенесет этого! Я ничего плохого не хотел, честью клянусь, сударь!

– Не тронет он тебя, – с трудом сдерживая улыбку, проговорил Фродо. Сцена была и тревожной, и комичной одновременно. – Конечно, ты не нарочно. Встань как следует и отвечай, о чем спрашивают.

– Так ведь, сударь, – начал Сэм все еще дрожащим голосом, – я тут такого понаслушался, да толком не понял ничего: и Враг, значит, и Кольца, и драконы, горы там огненные всякие, а еще – эльфы, вот оно, главное-то! Я ведь, сударь, жуть как люблю такие истории, что бы там Тэд ни говорил. Мне так хочется на эльфов поглядеть! Возьмите меня с собой, господин Фродо! – взмолился он неожиданно.

Гэндальф, так и державший Сэма за ухо во время его сбивчивого монолога, рассмеялся, подхватил садовника за шиворот и, легко перенеся через подоконник со всем садовым инвентарем, поставил на пол в комнате.

– Значит, на эльфов поглядеть захотелось? – грозно, но уже не страшно спросил он. – Хозяин, стало быть, уходит, и ты с ним решил податься?

– Да вот так оно и получилось, сударь, – оправдывался Сэм. – Я как услышал, что господин Фродо уходит собрался, аж поперхнулся. А вы-то, поди, и услышали.

– Надо мне уходить, Сэм, ничего не поделаешь, – вздохнул Фродо. До него только теперь стало доходить, что простым «прощай» уютным Засумкам здесь не обойдешься. – Я-то пойду, но, – он сурово посмотрел на Сэма, – если ты и впрямь мне добра хочешь, держи язык за зубами, понял? Секрет тебе достался смертельно опасный. Если кто от тебя хоть словечко об этом услышит, думаю, Гэндальфу недолго превратить тебя, ну, хоть в жабу пятнистую, а в сад еще и ужей запустить.

Лицо Сэма жалобно сморщилось, ноги подогнулись, и он упал на колени.

– Встань, встань, – деловито сказал ему Гэндальф. – Я тут придумал кое-что получше. За подслушивание наказание ты все-таки получишь, заодно и от болтовни твоей мы уберемся. Пойдешь с господином Фродо.

– Я?! – вскричал Сэм и заметался по комнате, словно пес перед прогулкой. – Я пойду? Эльфов посмотрю и все такое! Ура! – завопил он и неожиданно разрыдался.

Глава III Втроем веселее

– Уходить надо тихо и времени не терять, – говорил Гэндальф спустя две недели. Фродо хоть и решился, да все никак собраться не мог.

– Знаю, – досадливо поморщился Фродо. – Но не могу же я исчезнуть, как Бильбо, тогда на весь Шир разговоров не оберешься.

– Исчезать не годится. Ни в коем случае! – энергично подтвердил Гэндальф. – Я сказал: не терять времени, но вовсе не имел в виду пороть горячку. Конечно, хорошо бы покинуть Шир без лишних разговоров, ради этого и задержаться можно, но не слишком.

– Как насчет осени, скажем, после нашего дня рождения? – спросил Фродо. – К этому времени я что-нибудь придумаю.

Сказать по правде, когда дошло до дела, ему совершенно расхотелось уходить куда бы то ни было. Засумки вдруг стали необыкновенно родными, и последним летом в них просто невозможно было пожертвовать. Осенью – Фродо знал это – уходить будет легче. В это время года его всегда начинало тянуть в дальние края. Он и срок наметил особенный: свое пятидесятилетие – сто двадцать восьмой день рождения Бильбо. Дата казалась самой подходящей. «Следом за Бильбо» – эти слова он часто повторял про себя, они мирили его с необходимостью предстоящего ухода. О Кольце он старался не вспоминать вовсе, ибо вместе с ним пришлось бы думать и о конце путешествия. С Гэндальфом он своими мыслями особенно не делился, а о чем тот догадывался – никогда было не понять.

Вот и в этот раз маг долго смотрел на Фродо и наконец с улыбкой согласился.

– Ладно. Пусть так и будет. Только уж не позже. И, прошу тебя, будь осторожен. Никому ни слова о том, куда идешь. За Сэмом гляди. Сболтнет – взаправду в жабу превращу.

– Знаешь, – усмехнулся Фродо, – о том, куда я иду, мне проболтаться трудно. Я ведь и сам не знаю.

– Не говори ерунды! – оборвал Гэндальф. – Речь не о том, чтобы ты не оставлял нового адреса на почте. Никто не должен знать о твоём уходе из Шира, по крайней мере пока ты не уйдешь подальше. Особенно – куда ты пошел: на север, на запад ли.

– А я ведь об этом и не думал, – сокрушенно покачал головой Фродо. – Бильбо шел за сокровищем. Туда и обратно. А я? Все наоборот. Иду, чтобы сокровище потерять, да и на обратный путь мне, по-моему, надеяться нечего.

– Давай-ка не будем гадать о том, чего ни ты, ни я знать не можем, – остановил его Гэндальф. – Может, тебе суждено добраться до Огненной Горы, а может, это сделают другие. Пока ты к такому пути не готов.

– Конечно, нет, – не раздумывая, согласился Фродо. – А тогда куда же мне идти?

– Навстречу опасности, – ответил маг. – И, по возможности, избегая ее. Я советовал бы тебе отправиться в Дольн. Раньше путь туда считался безопасным, правда, с годами все становится хуже...

– Дольн, – задумчиво проговорил Фродо. – Что ж, пусть будет Дольн. Пойду на восток. Вот и Сэму случай эльфов повидать. – Говорил он спокойно, но вдруг ощутил в сердце горячее желание увидеть знаменитого Элронда Эльфинита, вдохнуть воздух легендарной долины, где до сих пор в мире и покое жил Дивный Народ.

Однажды летним вечером сразу загудели возбужденно и «Ветка Плюща», и «Зеленый Дракон». На время были забыты и великаны, и прочие чудеса на границах, другое взволновало постоянных посетителей: прошел слух, что господин Фродо продает – а может, уже и продал – Засумки. Да кому! Дериккуль-Сумниксам!

– Ну, положим, не задаром, – говорили одни.

– Да за бесценок отдал, – кипятились другие. – Много ты с Лобелии возьмешь! (Отто к тому времени уже несколько лет как помер. Прожил сто один год, возраст почтенный, но ничего особенного.)

Однако вопрос, почему Фродо вдруг надумал продавать свою прекрасную усадьбу, волновал собравшихся даже больше, чем цена. Многие придерживались мнения (возникшего, заметим, не без помощи самого Фродо), что денежкам Бильбо пришел конец, вот наследник и собирается продать усадьбу, а на вырученные средства скромно пожить, но уже не в Хоббитоне, а перебравшись поближе к многочисленной родне в Заскочье. «Подальше от Дериккулей, стало быть», – добавляли некоторые. Правда, у этой версии было много противников – слишком укоренилась в головах жителей Хоббитона мысль о сокровищах в подвалах Засумок. Они видели в происходящем происки Гэндальфа, хоть и непонятно пока, какие коварные планы вынашивает маг. Вроде никто его и не видел, но все знали, что он в Засумках. Колдовство ли тому виной или стесненные средства, а факт оставался фактом: Фродо Сумникс возвращался в Заскочье.

– Вот, осенью собираюсь, – отвечал и сам Фродо на расспросы любопытных, – Мерри Брендискок норку мне там торгует, а может, домик небольшой присмотрит. – На самом деле Мерри уже подобрал и купил маленький домик на выселках, неподалеку от Заскочьа. Такая мысль пришла Фродо после того, как он выбрал дорогу на Дольн. Заскочье ведь находится на самой восточной границе Шира, и он старательно изображал намерение переехать и поселиться там навсегда. Это выглядело правдоподобно – в Заскочье он родился и вырос.

Гэндальф провел в Шире больше двух месяцев. Но вот как-то вечером, в конце июня, уже после того, как Фродо решил окончательно тронуться в путь, маг внезапно объявил, что снова уходит, и завтра же утром.

– Ненадолго, надеюсь, – сказал он. – Мне нужно на юг, разузнать кое-что. Слишком я у тебя засиделся.

За небрежным тоном Фродо уловил нешуточное беспокойство.

– Что-нибудь случилось? – спросил он.

– Как будто ничего, – ответил маг. – Забот много. Знаешь, надо приглядеть за всем самому. Дошло до меня тут кое-что. Если окажется, что уходить тебе надо немедленно, я вернусь, в крайнем случае весточку пришлю. А ты собирайся, как решил, и – я тебя прошу – поосторожней с Кольцом. Ни в коем случае не пользуйся им.

Уходя на рассвете, он говорил Фродо:

– Жди меня со дня на день. Я вернусь, самое позднее, к твоему прощальному ужину. Похоже, идти нам надо вместе.

Поначалу слова Гэндальфа обеспокоили Фродо. Он пытался представить, какие такие вести погнали мага в дорогу, но вскоре забыл об этом. Стояла замечательная погода. Щедрое лето уходило, сменяясь изобильной осенью: ветки деревьев гнулись под тяжестью плодов, мед сочился из ульев, а колос в полях был тяжел и крепок. Но в преддверии осени беспокойство снова вернулось. Гэндальфа не было. Шел сентябрь, а от него не приходило никаких вестей. Близился день рождения, а вместе с ним – Уход. Как всегда перед дальней дорогой, хлопот хватало. Пришли помочь уложиться Фредегар Пузикс и Фолко Умникс, а Пиппин с Мерри теперь уже не отлучались из усадьбы. Впятером они быстренько перевернули все вверх дном.

Двадцатого сентября от ворот Засумок отъехали две тяжело груженные крытые повозки со скарбом из усадьбы, предназначенным для нового дома. Следующий день уже не на шутку встревоженный Фродо провел у ворот, высматривая Гэндальфа. Четверг, день праздника, выдался таким же улыбочивым и ясным, как и много лет назад, в памятный день рождения. Гэндальф не появился. На вечер был назначен прощальный пир. Стол накрыли скромно, на пятерых, – сам Фродо и четверо помощников. Но настроение было совсем не праздничным. Тревога из-за отсутствия Гэндальфа, скорое расставание с друзьями тяготили хозяина. Однако четверо молодых хоббитов уселись за стол с воодушевлением, и вечеринка, несмотря ни на что, удалась. В столовой Засумок было пустовато, мебель, кроме стола и стульев, отсутствовала, но отменные еда и питье способствовали благодушному настроению, скоро установившемуся за столом. Запасы провизии Фродо продавать не собирался.

Последний бокал «Старой Винодельни» Фродо сопроводил тостом:

– Что бы ни случилось с прочим моим добром, когда до него доберутся Дериккули, этому, – он посмотрел сквозь бокал на свет, – я нашел-таки достойное применение. – И под громкие возгласы одобрения медленно допил вино.

В этот вечер было спето немало песен; среди множества тостов не забыли и тост за здоровье Бильбо; поговорили о многих делах, а совсем уже к ночи выбрались проветриться и поглядеть на звезды. Потом разошлись спать. День рождения кончился, а Гэндальф так и не пришел.

Следующим утром с последней повозкой Мерри и Фредегар отбыли в Заскочье.

– Не спите по дороге, – крикнул Мерри, выезжая за ворота, – тогда послезавтра встретимся. А я, уж так и быть, согрею дом к вашему приходу.

Фолко после завтрака отправился домой, и в усадьбе с хозяином остался один Пиппин. Фродо, не находивший себе места, все ждал Гэндальфа. Откладывать уход дольше, чем до вечера, стало невозможно, и он решил ждать до последнего. Если маг так и не появится – ну что ж, придется ему прогуляться в Заскочье, может, еще и догонит их по дороге. Фродо твердо решил идти пешком: во-первых, хотелось не торопиться и напоследок спокойно попрощаться с любимыми местами, во-вторых, прогулка до Счокки налегке представлялась одним удовольствием.

– Надо же размять ноги перед дальней дорогой, а то совсем раскис, – сказал он сам себе, глядя в пыльное зеркало, сиротливо висевшее среди непривычно пустой гостиной.

После завтрака заявили Дериккуль-Сумниксы – Лобелия со своим белобрысым отпрыском Отто. Могли бы и подождать, но легко ли было упустить возможность досадить Фродо напоследок.

– Наконец-то она наша! – провозгласила Лобелия, едва перешагнув порог усадьбы. Это было и невежливо, и неверно, ведь договор о купле-продаже вступал в силу только с полуночи, но вполне простительно, если учесть, что Лобелии пришлось ждать этого момента лет на восемьдесят дольше, чем она предполагала. Намедни ей уже стукнуло сто лет. Пришла она проследить хозяйским глазом, как бы не вывезли чего лишнего, да еще прихватила с собой полную опись и долго проверяла по ней наличие комодов и горшков. Наконец, получив ключи и заверения, что запасные будут оставлены у Старичины Хэма в Тугосумах, она удалилась,

выразив напоследок уверенность в способностях «этих Гэмджи выгрести за ночь все из норы подчистую». Фродо ей даже чаю не предложил.

Теперь они сидели с Сэмом и Пиппином на кухне, прихлебывали из чашек и вяло сочувствовали Старичине Хэму, который приобрел такую завидную соседку, как Лобелия, в обмен на Сэма, отпущенного им «поработать в новом саду у господина Фродо в Заскочье».

– Вот и почаявничали в последний раз, – проговорил Фродо, отодвигая чашку. Поразмыслив, посуду мыть не стали, предоставив это дело Лобелии. Сэм с Пиппином увязали три котомки и выставили в ряд на крыльце, после чего Пиппин отправился прогуляться по саду, а Сэм куда-то исчез.

Солнце село. Усадьба в ранних сумерках выглядела сиротливо и как-то взъерошенно. Фродо обходил неузнаваемо изменившиеся комнаты, наблюдал, как гаснут на стенах последние закатные отблески, а в опустевших углах густеют тени. Он вышел наружу, постоял у калитки, а потом даже прошел немного по дороге с Горки, все еще надеясь увидеть высокую сутулую фигуру в остроконечной шляпе. Но на дороге не видно было ни единого прохожего. В чистом темнеющем небе разгорались яркие осенние звезды.

– Славная будет ночь, – подумал вслух Фродо. – В самый раз для начала. Все. Теперь я уже хочу идти. Не могу больше слоняться здесь без толку. Пусть Гэндальф догоняет.

Он уже собрался повернуть назад, но остановился, услышав голоса от плетня крайнего дома в Тугосумах. Один он узнал сразу – Старичина Хэм, а второй был незнакомый, противный какой-то. Не понять, что он спрашивает, зато доносились ответы Хэма, и, судя по голосу, старик явно нервничал.

– Нету, нету господина Сумникса. Утром еще ушел и добро свое вывез. Продал усадьбу и ушел, я ж говорю... Зачем продал? А до этого ни мне, ни вам дела нет... Куда ушел?.. Да какие тут секреты? В Заскочье, надо полагать... Да, далековато... Нет, не бывал я там. Я в этом Заскочье не закопал ничего, зачем мне туда ходить? Нет, никакой записки не оставлял... Доброй вам ночи!

Напряженно вслушивающийся Фродо различил шаги незнакомца, спускавшиеся с Горки, и почему-то очень обрадовался, что тот не стал подниматься к усадьбе. «Видно, я здорово устал от досужего любопытства, – подумал он. – Все, кому не лень, лезут в мои дела». С одной стороны, ему хотелось пойти и расспросить Хэма, кому еще понадобился Фродо Сумникс, но, поразмыслив, он почел за лучшее (было ли оно лучшим?) вернуться в Засумки.

Пиппин сидел при своем мешке на крыльце. Сэм все еще отсутствовал.

– Сэм! – позвал его Фродо. – Куда ты пропал? Пора нам.

– Иду-иду! Сейчас! – послышался из-за дверей голос, и на пороге, поспешно вытирая рукавом губы, появился Сэм. Он попрощался с пивной бочкой в кладовке.

– Здесь, сударь, – доложил он. – Я подзаправился маленько на дорожку.

Фродо запер круглую входную дверь и дал ключ Сэму.

– Снеси-ка своему старику, Сэм. Мы с ним договаривались. Потом пройдешь задворками напрямик, догонишь нас возле изгороди. Через деревню не пойдем. Там сплошные уши да глаза. Надоело!

Сэм помчался вниз.

– Все. Уходим, – произнес Фродо и закинул котомку за плечи. Отойдя на несколько шагов, он обернулся и, глядя на темные окна, сказал: – Прощайте! – Помахал рукой и (тем же путем, что и Бильбо) быстро зашагал по садовой дорожке.

Перепрыгнув низкую ограду, хоббиты вышли в поля и растаяли в темноте, как будто их и не было.

У подножия Горки путешественники остановились, подтянули лямки котомок, тут их и нагнал запыхавшийся Сэм. Тяжеленная торба торчала у него над головой, покрытой старым фетровым колпаком, который Сэм почему-то называл шляпой. В полумраке он здорово походил на гнома.

– Небось самое тяжелое мне подложили, – пошутил Фродо. – Каково же улиткам придется! всю жизнь весь дом на горбу таскать!

– У меня еще место в мешке есть, сударь. – Сэм пыхтел, как лошадь, и явно кривил душой.

– Нет уж, Сэм! – вмешался Пиппин. – Ему полезно. Поклажу свою он сам отбирал. Обленился, отяжелел в последнее время наш дорогой Фродо. Сбросит в дороге лишний вес, вот и идти полегче будет.

– Пожалели бы вы бедного старого хоббита, – рассмеялся Фродо. – Пока до Засумок доберемся, я за ивовый прутик прятаться смогу. Кроме шуток, Сэм, не многовато ты на себя навьючил? На первом же привале я с тобой разберусь. Ну, – он поудобнее перехватил посох, – что может быть лучше ночной прогулки под звездами? Сколько миль оставим позади до ночлега?

Некоторое время они споро шагали по тропинке на запад, потом взяли левой и пошли полями. Мимо проплывали ограды, рощицы, ночь становилась все темней. Темные плащи делали их невидимыми не хуже волшебных колец. Хоббиты ходят тихо, а если при этом еще и стараются не шуметь, то даже свой брат-хоббит не услышит. Неудивительно поэтому, что ни маленькие лесные зверушки, ни полевые мыши не заметили их. Они пересекли Водью, речушку, текущую под ольховыми кронами; прибавив шагу, пересекли дорогу от Брендидуинского Моста (отсюда начиналось Туково хозяйство) и, забирая на юг, двинулись через Зеленые Холмы. С вершины первого они еще могли видеть, обернувшись, мирно помаргивающие огоньки в далеком Хоббитоне, но скоро их скрыли складки местности, а потом уже и Уводье потерялось в темноте позади. Фродо помахал рукой на прощанье.

– Доведется ли еще раз повидать эту долину? – тихонько вздохнул он.

Первый привал устроили часа через три. Прохладная звездная ночь вывесила туманные занавесы по ложбинам и поймам ручьев. Березки призрачно белели в темноте, их темные кроны покачивались над головами путников с еле слышимым шелестом. Перекусили (весьма скромно по хоббитским меркам), пошли дальше и вскоре повстречали скромную приятную дорогу на Задоры и Крепь и дальше, к Перевозу. В отличие от большака она вилась меж Зеленых Холмов, навещала Залесье и, похоже, намеревалась побывать вообще во всех глухих уголках Восточной Чети.

Немного погодя вошли под своды старого высокого леса. Стало совсем темно. Некоторое время хоббиты еще разговаривали, а временами даже принимались напевать тихонько, но постепенно замолчали, а Пиппин начал заметно отставать. Наконец, одолев очередной крутой подъем, он остановился и широко зевнул.

– Я такой сонный, – неразборчиво пробормотал он, – что скоро усну прямо посреди дороги. Время-то, поди, уже за полночь.

– А я думал, ты любишь гулять в темноте, – съязвил Фродо. – Ладно. Особой спешки нет, Мерри ждет нас только послезавтра. Найдем местечко поуютней и остановимся.

– Ветер западный, – повертев носом, сообщил Сэм. – На той стороне холма можно найти затишье. Там и сушняк должен быть.

Сэм прекрасно знал окрестности миль на двадцать вокруг Хоббитона. Правда, на этом его познания в географии Шира и заканчивались.

Действительно, по ту сторону холма, совсем недалеко от дороги, нашлось и уютное местечко у корней огромной ели, и вдоволь валежника. Скоро под сводами леса заплясал маленький костерок, а хоббиты, посидев у огня, немедленно стали клевать носами. Потом каж-

дый устроил в корнях подобие норки, завернулся в одеяло, и через несколько минут вся компания крепко спала. О том, чтобы оставить дежурного, никто и не подумал. Чего ради? Что может угрожать хоббиту, хотя бы и ночью, в самом сердце Шира?

Когда костер догорел, старую ель посетили несколько маленьких зверушек. Потом заглянул лис, спешивший через лес по своим делам и остановленный неожиданным запахом.

«Хоббиты! – подумал он и фыркнул. – Оно, конечно, теперь много чудного, но все-таки редко услышишь о хоббите, спящем под деревом. Батюшки! Да их тут целых три штуки! Нет, за этим определенно что-то кроется!»

Он был совершенно прав, но в чем тут секрет, узнать ему так и не удалось.

Утро настало шумное и светлое. Фродо проснулся первым и потер сначала бок, намятый еловым корнем, а потом одеревеневшую шею.

«Вот тебе и радости пешей прогулки, – подумал он. – Ведь можно же было ехать. – Впрочем, так он думал обычно в начале любого путешествия. – Я здесь валяюсь на корнях, а Деррикули там нежатся на моих перинах. А вот им-то как раз коряг вполне бы хватило». Он потянулся и закричал:

– Подъем, хоббиты! Посмотрите, какое утро прекрасное!

– Чего в нем хорошего? – пробурчал Пиппин, приоткрыв глаз над краешком одеяла. – Эй, Сэм, а завтрак в половине десятого? А вода для умывания согрета?

Сэм вскочил, очумелый со сна.

– Нет, сударь, нету воды. Виноват, сударь.

Фродо встал, потянулся. Сдернул одеяло с Пиппина и отправился прогуляться к опушке. Вдали, на востоке, над туманами, окутавшими мир на заре, поднималось красное солнце. Деревья в осенних праздничных нарядах из багряных и золотых кружев, казалось, плыли в туманных озерах. Дорога сбегала с холма и тоже исчезала невдалеке в белесых волокнах.

К его возвращению Пиппин с Сэмом развели хороший костер. Его встретил вопль Пиппина:

– Воды! Где вода?

– Знаешь, я ее в карманах не ношу, – ответил Фродо.

– А мы думали, ты за ней пошел, – бормотал Пиппин, роясь среди кастрюль и мисок. – Так, может, сходишь все-таки?

– Могу. А ты мне компанию составишь. И захвати-ка все фляги.

У подножия холма они нашли ручей с ледяной водой, так что, умываясь, фыркали и вздрагивали. Наполнили фляги и походный чайник, найдя возле старого замшелого валуна маленький водопадик.

С завтраком управились уже после десяти. Развиднелось. День обещал быть жарким. Уложив котомки, хоббиты спустились с холма, перепрыгнули через ручей и тут же полезли в гору. Так и пошло: вверх-вниз, и скоро каждый подумал, не многовато ли они набрали в дорогу. Дневной переход, судя по началу, предстоял нелегкий. Правда, скоро дорога устала подпрыгивать, она с трудом влезла на последний холм и с облегчением кинулась вниз. Впереди лежала долина с перелесками, сливавшимися на горизонте в зеленое море. Перед ними открылось Залесье, а уж за ним недалеко и до Брендидуина. Дорога окончательно утомилась и улеглась протянутой веревочкой.

– Дороге-то что, – сказал Пиппин, – она бежит себе да бежит, а я не могу без отдыха. Самое время перекусить. – Он уселся у обочины на косогоре и посмотрел на восток. Где-то там, в туманной дымке, лежала река, а дальше проходила граница Шира. Сэм стоял рядом и просто пожирал глазами неведомые ему просторы.

– А эльфы живут в тех лесах? – спросил он.

– Никогда не слышал, чтобы они там жили, – откликнулся Пиппин. Фродо молчал. Он тоже смотрел на восток так, словно видел дорогу впервые. Вдруг он медленно не то пропел, не то продекламировал:

*Бежит дорога все вперед.
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совет?*

*Сольются тысячи дорог
В один великий путь.
Начало знаю; а итог –
Узнаю как-нибудь.*

– Похоже на раннего Бильбо, – тоном знатока определил Пиппин. – Или это – твое подражание? Не очень-то обнадеживает, верно?

– Вроде бы это я придумал, – неуверенно сказал Фродо, – а может, слышал когда-нибудь. Действительно, похоже на Бильбо перед уходом. Он часто повторял, что Дорога всего одна. Она как большая река, ее истоки – у каждого порога, и любая тропинка для нее – приток. «Опасное это дело, Фродо, перешагнуть порог, – говаривал он. – Только ступи на Дорогу, она подхватит и поведет тебя – куда? как знать... Допустим, перед тобой вполне безобидная на вид тропинка, глядь, она уже завела тебя через Сумеречье к Одинокой Горе, а то и куда-нибудь похуже». Так он говорил и поглядывал на дорожку от дверей усадьбы.

– Ну и пожалуйста, пусть ведет, – разрешил Пиппин, решительно снимая котомку, – только в ближайшие час-два никуда ей меня не увести. С места не тронусь.

Остальные последовали его примеру: котомки пристроили под спины, а ноги вытянули на дорогу. Передохнули. Потом не торопясь перекусили и снова передохнули.

Солнце начинало клониться к закату. За весь путь им не встретилось ни единой живой души. Дорогой редко пользовались: для повозок неудобна, пешком ходить в такую даль – была охота, а в Залесье можно попасть и другим путем. Хоббиты после привала уже с час как снова утаптывали ее ногами, и тут вдруг Сэм замер. К этому времени они шли лугами, и только редкие деревья предупреждали о лесах впереди.

– Похоже, там конь или пони, сзади, на дороге, – обеспокоенно проговорил Сэм. Все оглянулись, но поворот, пройденный минут пять назад, скрывал источник звуков.

– Должно быть, Гэндальф нас догоняет, – неуверенно предположил Фродо и тут же почувствовал сильнейшее желание спрятаться от неизвестного попутчика.

– Может, это и не так важно, – заговорил он, нервно оглядываясь, – но я бы не хотел никому попадаться на глаза. Устал я от разговоров. Всякий сует нос в мои дела... Ну, а если это Гэндальф, устроим ему сюрприз. Пусть не опаздывает. Давайте-ка спрячемся!

Пиппин и Сэм метнулись влево от дороги и залегли в маленькой лощинке, а Фродо замешкался на мгновение. Какое-то нездоровое любопытство едва не пересилило в нем благо-разумие. А звук копыт стремительно приближался. Еще миг – и было бы поздно! Фродо бросился ничком в густую траву за стволом придорожного дерева, быстро перекатился на бок и осторожно выглянул из-под корней.

Из-за поворота вылетел отнюдь не хоббитский пони. Громадный черный конь с чело-веком в седле, закутанным в черный плащ с глухим капюшоном, под которым не разглядеть было лица, скакал по дороге. Однако, поравнявшись с деревом, конь встал, громко всхрапнув. Всадник остался странно недвижим, и только склоненная голова медленно поворачивалась из

стороны в сторону, да можно было различить тихое посапывание, как бывает, когда приножишься, пытаясь схватить ускользающий запах.

Волна ужаса накрыла Фродо. Он едва осмеливался дышать, и только одно желание перебивало все: немедленно надеть Кольцо! Уже рука его поползла к карману, уже предостережения Гэндальфа казались нелепыми и попросту вредными... «Бильбо же пользовался Кольцом! Я же все-таки в Шире», – лихорадочно думал он, нащупывая цепочку. Но тут всадник тронул поводья, конь шагнул раз, остановился, шагнул другой и быстро перешел на крупную рысь. Извиваясь ужом, Фродо скользнул к дороге и следил за седоком, пока он не скрылся в отдалении. Однако в последний миг Фродо показалось, что конь не просто исчез из виду, а свернул с дороги вправо.

«Странно, – размышлял Фродо, направляясь к укрытию друзей, – и даже, я бы сказал, страшно».

Пиппин с Сэмом как завалились в траву, так и пролежали там, ничего не увидев. Пришлось рассказать им о странном обличье и поведении чужака.

– Мне думалось, – мялся Фродо, – что это он меня высматривает... или скорее вынюхивает. А мне очень не хотелось ему показываться. Про такое в Шире отродясь не слыхивали!

– Да какое ему дело до нас, этому Верзиле?! – воскликнул Пиппин. – Чего его сюда занесло?

– Вообще-то люди в Шире живут, – задумчиво произнес Фродо. – В Южной Чети, я слыхал, хватает с ними хлопот. Но про таких никто не рассказывал. Откуда бы ему взяться?

– Извиняюсь, сударь, – внезапно вмешался Сэм, – я знаю, откуда он взялся. Из Хоббитона пожаловал. И куда он направляется, я тоже знаю.

– Что ты мелешь? – резко спросил Фродо. – Почему раньше молчал?

– Да забыл я, сударь! Забыл, из головы вылетело, вроде как затмение нашло! Вчера вечером, когда я к нашей норе вернулся, старик мой мне и говорит: «Эка, Сэм, – говорит, – ты тут? А я-то думал, вы с господином Фродо с утра ушли, то-то, смотрю, ключи не несут... Тут, слышь-ка, один странный тип выпрашивал меня про господина Сумникса из Засумок. Вот только что я его в Заскочье спровадил. Чего мне в нем не понравилось, в толк не возьму! А-а! Вот! Я как сказал ему, что господин-то Фродо, мол, усадьбу свою оставил и уехал, так он зашипел аж! Жутко так мне стало!» Я, значит, спрашиваю старика моего: «А какой он из себя-то?», а старик и говорит: «Ну уж не хоббит, это точно! Высокий, черный такой, а лица не видать. Надо быть, из Верзил чужедальних, и говорит чудно!» Меня времечко-то поджимало, не мог я больше слушать, вы же меня и ждали, сударь. Вообще-то я и внимания не обратил. Старик мой сдает совсем, глаза не те стали, а ведь темно уже было, когда этот приятель на него набежал. Старик-то мой по вечерам любит на околицу выйти, воздухом подышать. Может, вреда особого и нет в том, что он этому Верзиле сказал?

– Старика твоего винить не в чем, – успокоил его Фродо. – Я ведь этот разговор слыхал. Стоял там за углом неподалеку. Чуть было не подошел спросить, кому я понадобился. Вот хорош бы был! Хоть бы ты пораньше мне рассказал! Мы бы поосторожнее были!

– С чего ты взял, что это тот же чужак? – удивленно спросил Пиппин. – Не мог он нас выследить, мы тихо ушли.

– Может, выследить и не мог, – Сэм почесал в затылке, – а вот *вынюхать* – вполне. А потом, старикан мой говорил: черный он был.

– Надо было Гэндальфа дожидаться, – посетовал Фродо. – А может, еще хуже было бы, – пробормотал он минутой спустя.

– Я не пойму! – рассердился Пиппин. – Ты только догадываешься о чем или знаешь про этого всадника?

– Не знаю и знать не хочу, – ответил Фродо, правда, не слишком уверенно.

– Ну и держи свои секреты при себе! – фыркнул Пиппин. – Что делать-то будем? Можно бы перекусить, да от твоих разговоров про вынюхивающих Верзил с невидимыми носами у меня аппетит пропал. По-моему, лучше убраться отсюда подальше.

– Да, надо идти, – согласился Фродо. – Только не по дороге, а то как бы он вернуться не вздумал или другой какой не наехал. Пошли, до Заскочья еще шагать и шагать.

Тени деревьев на траве истончились и вытянулись, когда они снова двинулись в путь. Теперь шли не по дороге, а рядом, на расстоянии броска камня. Это оказалось не так-то легко: высокая трава путалась в ногах, подлесок быстро густел. Красное солнце мягко съехало за холмы, и вечер настал прежде, чем равнина кончилась и можно было снова выбраться на дорогу. Теперь она все забирала влево, ощутимо спускаясь к речной пойме. Немного погодя повстречалась тропинка, уходящая в древнюю дубраву на краю Залесья.

– Вот по ней и пойдем, – решил Фродо.

У самой развилки кстати оказалось огромное дерево. Жизнь в нем едва теплилась, и неудивительно: от ствола осталась лишь тонкая оболочка, а вся сердцевина превратилась в дупло, раскрытой щелью повернутое в сторону от дороги. Хоббиты протиснулись внутрь и с удобством устроились на мягкой подстилке из палых листьев и прелого дерева. Укрывище дало возможность спокойно отдохнуть и поесть. Однако переговаривались они тихо, время от времени чутко вслушиваясь.

Когда путники снова выбрались на тропинку, пали сумерки. Западный ветер вздыхал в высоких кронах. Перешептывались листья. Стало беспокойно, как часто бывает на лесных дорогах перед наступлением ночи. Быстро темнело. Меж деревьями на востоке зажглась звезда. Хоббиты шагали в ногу, это подбадривало, а чуть погодя, когда звезд на небе прибавилось и они заблестели ярче, тревога прошла, и они думать забыли о копытах и всадниках. То один, то другой принимался напевать (истинно хоббитская привычка – напевать при ходьбе, особенно если идешь к дому, а время – к полуночи). Обычно поют про ужин, про кровать, а тут вдруг Пиппин затянул прогулочную, хотя, конечно, про кровать и ужин в ней тоже было. Слова принадлежали Бильбо, а мотив был древний, как эти холмы. Фродо выучил песню давно, во время прогулок с дядей по долине Водьи и долгих разговоров о Приключении.

*Поют поленья в очаге,
Подушка ластится к щеке,
Но ноги сами нас несут
За поворот – туда, где ждут
Цветок, былинка, бурелом –
Их только мы с тобой найдем!*

*Ждите нас – холмы, поток...
Путь далек! Путь далек!
Камни, травы, луг в росе –
Ждите все! Ждите все!*

*За поворот! Там встретят нас
Безвестный путь, секретный лаз.
Их миновали мы вчера,
Но, может быть, теперь пора
Найти ту тропку в глубине,
Что мчится к Солнцу и Луне?*

*До свиданья – терн, репей...
В путь скорей! В путь скорей!
Плющ, шиповник, бересклет –
Всем привет! Всем привет!*

*Дом позади, мир – впереди.
Нам уготовано пройти,
Покуда шлет лучи звезда,
До грани ночи. А тогда –
Мир позади, дом – впереди,
Обратно позовут пути!*

*Тень и темень, мрак и ночь
Сгинут прочь! Сгинут прочь!
Дом, тепло, обед, кровать –
И поспать... И поспать...*

Пиппин еще дважды звонко пропел припев, но тут Фродо остановил его:

– Тише! Опять копыта!

Они вслушались, замерев на месте. Действительно, издали доносился топот. Быстро и бесшумно они юркнули с тропинки в кусты и укрылись в густой тени дубов.

– Не забирайтесь далеко, – предупредил Фродо. – Я хочу посмотреть.

– Ладно, – согласился Пиппин. – Только бы нас не унюхали.

Перестук копыт приближался. Убежище они выбрали не самое надежное, но другое искать было поздно. Сэм и Пиппин притаились за огромным замшелым стволом, а Фродо – немножко ближе к тропинке. Она едва серела в звездном свете, а луны не было. Внезапно наступила тишина. Фродо вгляделся и с трудом различил силуэт всадника. Он бы ничего не увидел, но фигура в седле медленно раскачивалась из стороны в сторону, темная на фоне деревьев. Конь остановился как раз против того места, где хоббиты сошли с тропы. Сомнений не было! Фродо даже почудилось, что он слышит знакомое сопение. Тень соскользнула с коня! И вот уже, почти не различимая во мраке, крадется к ним!

На этот раз желание немедленно надеть Кольцо овладело Фродо нестерпимо. Он не успел даже подумать о нем, а рука уже нащупала цепочку в кармане. И в этот миг тишину ночного леса нарушили совершенно неожиданные звуки. Песня послышалась вдалеке и смех, звонкий, как колокольцы! Чистые голоса взлетали и падали в воздухе, пронизанном звездным блеском. Черная тень резко выпрямилась. Она была уже недалеко, но теперь как-то неуловимо отступила к дороге, странным, неестественным движением взлетела в седло, и конь (а может, призрак коня) растаял в ночи. Фродо перевел дух.

– Эльфы! – воскликнул Сэм сиплым шепотом. – Разрази меня гром, эльфы, сударь! – Он так и рванулся бы напролом сквозь чащу, не удержи его Фродо с Пиппином.

– И верно, эльфы, – подтвердил Фродо. – В Шире-то они не живут, но весной и осенью, бывает, проходят Залесьем в сторону Башенных Холмов. Надо же, как кстати! Вы-то не видели, а ведь Черный Всадник крался к нам, сюда, а песня его спугнула. Он тут же убрался, как только голоса услышал.

– С эльфами-то как? – спросил Сэм, слишком возбужденный, чтобы отвлекаться на какого-то всадника. – Мы разве не пойдем посмотреть?

– Да они ведь сюда идут, не слышишь разве? – остановил его Фродо. – Подождем здесь.

Пение приближалось. Один светлый и сильный голос верховодил. Фродо немного знал язык Дивного Народа, а Пиппин с Сэмом не знали вовсе, но голос пел словно о чем-то давным-давно знакомом и родном. Во всяком случае, Фродо понял так:

*О Лучезарная Царица!
О Дева Западных морей!
О свет надежды, что стремится
К нам, в мир предсумрачных теней!*

*Гилтониэль! О Элберет!
Очей твоих бессмертный свет!
Тебе поет лесной народ
В иной земле, за далью вод.*

*О звезды, что твоей рукою
Оживлены в бессветный час!
Сияй, соцветие ночное,
В ненастном сумраке для нас!*

*О Элберет! Гилтониэль!
О луч, пронзающий метель!
Твой дальний свет за гладью вод
Хранит в душе лесной народ.*

Песня кончилась.

– О! Это Высокие Эльфы! – в изумлении проговорил Фродо. – Слышали? Они пели о Элберет! Их нынче во всем Среднеземье совсем мало осталось. Вот уж воистину счастливый случай!

Хоббиты выбрались на тропинку и присели в тени на обочине. Скоро показались и эльфы. Они шли, казалось, неторопливо, но быстро, а звездный свет сиял и искрился в их длинных волосах, вспыхивал в больших прекрасных глазах. Ни фонарей, ни светильников у них не было, но под ноги странникам лилось сияние, будто свет от низко висящей на горизонте луны. Они шли молча, и только последний, проходя, обернулся, взглянул на хоббитов и рассмеялся.

– Привет, Фродо! – крикнул он. – Что-то ты припозднился. А может, заблудился? – Он окликнул остальных, и эльфы обступили хоббитов.

– Вот чудеса! – говорили они. – Три хоббита, ночью, в лесу! С тех пор как Бильбо ушел, мы такого не видели. Что бы это значило?

– О Дивный Народ! – отвечал Фродо. – Просто мы идем одной дорогой. Мне нравится бродить под звездами. Но я очень рад вашему обществу.

– Нам нет нужды в обществе, – засмеялось в ответ сразу несколько голосов. – И откуда тебе знать про нашу дорогу?

– Вы же знаете мое имя, – уклончиво ответил Фродо.

– Мы многое знаем, – отвечали ему. – А тебя часто видели раньше с Бильбо, хотя ты нас и не замечал.

– Но кто же вы? Кто ведет вас? – допытывался Фродо.

– Я – Гилдор, – ответил ему эльф, окликнувший его. – Гилдор Инглорион из Дома Финрода. Большинство наших родичей давно покинули эти земли, а мы задержались ненадолго перед возвращением за Море. Впрочем, кое-кто из нашего народа еще живет в этом мире. Ты, верно, слыхал о Дольне? Однако что за дела выгнали тебя из дома? Мы видим тень страха на твоём лице. Откуда она?

– О мудрый народ! – воскликнул Пиппин. – Расскажите нам о Черных Всадниках.

– О Черных Всадниках? – переспросил Гилдор, понизив голос. Видно было, что он не ожидал вопроса. – Почему ты спросил о них?

– Потому что нас преследуют два Черных Всадника, а может, это один и тот же, но он чуть не поймал нас. Вы его спугнули.

Эльфы быстро посоветовались меж собой. Потом Гилдор повернулся к хоббитам.

– Не стоит говорить об этом здесь, – сказал он. – Вам лучше пойти с нами. Хоть это и не в наших обычаях, разделим дорогу. Вместе и заночуем.

– На такую удачу я и не рассчитывал! – воскликнул непосредственный Пиппин, а Сэм, похоже, и вовсе потерял дар речи.

– Примите мою признательность, Гилдор Инглорион, – поклонился Фродо. – Элен сила луменн оментиеэльво, час нашей встречи осиян звездой, – добавил он на высоком эльфийском наречии.

– Осторожней, друзья, – рассмеялся Гилдор. – Берегите наши тайны. Здесь владеют древним наречием. Бильбо был хорошим учителем. – И, оборотясь к Фродо, он произнес с поклоном: – Привет тебе, Друг Эльфов. Присоединяйся к нам вместе с друзьями. Вам лучше идти в середине, чтобы не отставать. Привал еще не скоро.

– Куда вы все же держите путь? – спросил Фродо.

– Сегодня ночью мы остановимся в холмах над Залесьем, там отдохнем, и ваш завтрашний переход будет на несколько миль короче.

Они двинулись по дороге, словно тени или блики света. Эльфы ходят еще неслышнее, чем хоббиты, и Пиппина скоро стало клонить ко сну. Пару раз он спотыкался, но эльф, шагавший с ним рядом, поддерживал его, не давая упасть. Сэм шел словно во сне. На лице его застыло выражение не то восторга, не то испуга.

Лес по обе стороны от дороги стал гуще, появились заросли орешника. Наконец эльфы свернули с тропы. Справа, совсем рядом, начинался невысокий водораздел; пройдя по нему с полмили, они оказались на вершине холма, возвышавшегося на краю поймы. Неожиданно лесная сень кончилась, и открылась большая поляна, серебрящаяся в ночи слегка повлажневшей травой. С трех сторон окруженная лесом, к востоку она круто обрывалась, и верхушки деревьев, росших у подножия холма, едва приподнимались над ее краем. Вдалеке – а все-таки ближе, чем казалось, – мерцали редкие огоньки деревни. Это были Задоры.

Эльфы, негромко переговариваясь, разошлись по поляне и, казалось, не обращали на хоббитов ни малейшего внимания. Фродо и его спутники сели на траву, завернулись в одеяла и боролись со сном. Ночь тянулась и тянулась, огоньки в долине погасли один за другим. Пиппин пристроился к какому-то бугорку и уснул. Высоко в небе, на востоке, мерцала Звездная Сеть – Реммират, а из тумана медленно поднимался красный Боргил, сияя винным цветом, словно драгоценный камень. Никто не услышал порыва ветра, но туман словно сдернула невидимая рука, и сверху наклонился, перешагивая через край мира, Небесный Воин Менельвагор, опоясанный сияющим поясом. В этот момент эльфы разом запели. Слово сам собой вспыхнул на поляне костер, и хоббитов позвали.

– Эй, сюда! Идите к нам! Настало время для разговоров и веселья.

Пиппин сел, дрожа и протирая глаза.

– В зале горит огонь, и кушанье для проголодавшихся путников готово, – сказал стоявший перед ним эльф.

Южный конец поляны уходил под своды леса, образуя подобие залы, крытой ветвями деревьев; стволы их, словно колонны, вздымались с двух сторон. Здесь весело потрескивал костер, а на нижних сучьях укреплено было еще несколько факелов, горевших разноцветным ровным огнем. Эльфы расселись вокруг костра, одни передавали наполненные кубки, другие обносили подносами с едой.

– Прощения просим за скудную трапезу, – извинились перед хоббитами. – Но мы далеко от наших гостиных. Если заглянете как-нибудь к нам домой, надеемся попотчевать вас как подобает.

– Эта скудная трапеза не уступает деньрожденшишному пиру, – пробормотал Фродо.

Пиппин плохо запомнил угощение этой ночи. Он весь был поглощен лицами эльфов, словно озаренными внутренним светом, их голосами, такими разными и такими прекрасными, какие бывают только в грезах. Он смутно помнил хлеб, имевший вкус свежей белой лепешки; помнил плоды, нежность аромата которых не с чем сравнить, он осушил бокал, наполненный, казалось, золотистым летним полднем с привкусом меда.

Сэму явно не хватало слов, чтобы выразить переживания этой ночи, но она осталась для него одним из главных событий всей жизни. Позже он говорил, вспоминая: «Ну, сударь, если бы я вырастил такие яблоки, вот тогда был бы я Садовник. Но яблоки – что! А вот пение! Ох, и запало оно мне в сердце, если вы понимаете, про что я...»

Фродо же ел, пил и разговаривал с удовольствием. Он немного понимал по-эльфийски, усердно прислушивался и старательно подбирал слова, не уставая благодарить угощавших его на их родном языке. Они улыбались и говорили друг другу:

– Ну что за прелесть! Просто бриллиант среди хоббитов!

Пиппин, не выдержав переживаний, заснул с недопитым бокалом в руке. Его бережно перенесли под деревья и уложили на мягкое ложе, где он и проспал до рассвета. Сэм ни за что не хотел покидать Фродо. Когда Пиппин выбыл из игры, он некоторое время боролся со сном, потом свернулся клубочком у ног Фродо, поклевал носом и тоже заснул. А Фродо тем временем вел неторопливую беседу с Гилдором.

Они переговорили о многом, старом и новом. Хоббит расспрашивал эльфа о событиях в широком мире. Новости были безрадостными, если не сказать зловещими: сгущалась Тьма, разгорались войны, Люди безнадежно сражались, Эльфы обреченно уходили. Наконец Фродо задал давно волновавший его вопрос:

– Скажи, Гилдор, а ты не видел Бильбо после того, как он ушел?

– Видел, – с улыбкой ответил эльф. – Даже дважды. Вот на этом самом месте он распрощался с нами. Но нам довелось встретиться еще раз, далеко отсюда.

Больше он ничего не добавил, а Фродо не стал расспрашивать. Гилдор сам обратился к нему:

– Ты ничего не рассказал о себе, Фродо. Кое-что я знаю, а по твоему лицу и мыслям, стоящим за твоими вопросами, догадываюсь об остальном. Ты ведь уходишь из Шира, и уходишь в сомнениях – сможешь ли найти потерянное, или выполнить задуманное, или даже просто вернуться в родные края. Разве не так?

– Эх, – вздохнул Фродо, – так, конечно. Но я-то думал, мой уход – тайна. Кроме Гэндальфа да Сэма и не знает никто... – Он взглянул на мирно посапывающего Сэма.

– От нас Враг твоей тайны не узнает.

– Враг? Так ты знаешь, почему я ухожу?

– Я не знаю, почему Враг преследует тебя, но чувствую: опасность не только впереди или позади. Она со всех сторон.

– Ты о Всадниках? – побледнев, спросил Фродо. – Я так и думал, что их послал Враг. Но кто они?

– Разве Гэндальф не рассказывал тебе? – удивился Гилдор. – Впрочем, ему виднее, но тогда и мне не след пугать тебя в дороге. Скажу только, что выйти ты успел в самый последний момент, если успел, конечно. Теперь надо спешить. Дорога назад закрыта. Шир тебе не защита больше.

– Да уж что может быть страшней твоих намеков! – воскликнул Фродо. – Я знал про опасность, но в своем собственном Шире никак не предполагал с ней столкнуться. Подумать только! Хоббиту теперь от Водьи до Реки спокойно пройти нельзя!

– Это не твой собственный Шир, – веско сказал Гилдор. – Жили здесь и до вас, будут жить и после вас. Вокруг – мир. Можете не обращать на него внимания, но вы – в нем, а он – в вас.

– Знаю, – устало согласился Фродо. – Да только он всегда казался таким уютным, таким безопасным. Что же мне делать теперь? Я хотел уйти тайно и пробираться в Дольн, а похоже, меня выследят раньше, чем я доберусь до Заскочья.

– Делай, как задумал, – посоветовал Гилдор. – Вряд ли дорога так опасна. Тебе, по-моему, мужества не занимать. Более подробный совет надо было у Гэндальфа спрашивать. Я ведь не знаю причин твоего бегства, не знаю, зачем ты нужен Черным Всадникам. А Гэндальф знает. Ты же виделся с ним перед выходом?

– Хотел увидаться. Вот это меня действительно беспокоит. Я ждал его. Долго ждал. Он обещал вернуться в Хоббитон самое позднее позавчера. Но так и не появился. Что могло его задержать, ума не приложу. Может, надо было все-таки дожидаться его?

Гилдор долго молчал.

– Не нравится мне это, – произнес он наконец. – Опоздание Гэндальфа не к добру. Но, знаешь, не зря говорят: «Не лезь в дела Мудрых. Понять – не поймешь, а хлопот не оберешься». Тебе выбирать: ждать или уходить.

– У нас еще говорят, – усмехнулся Фродо, – «спроси у эльфа совет – получишь в ответ и да, и нет».

– Неужто? – расхохотался Гилдор. – Впрочем, верно. Мы редко даем необдуманные советы. Совет, даже из уст Мудрого, опасный дар. События могут повернуть и принять неправильный ход. Что же ты хочешь от меня? Дел твоих я по-прежнему не знаю, как же я могу выбрать за тебя? Ну ладно, по дружбе дам тебе совет: иди и нигде не останавливайся. И еще: если Гэндальф не появится, один не ходи. Возьми друзей, которым можно доверять, если они, конечно, захотят идти. Вот тебе совет эльфа, принимай с признательностью, хоть и дан он без особой радости. У эльфов свои заботы и свои печали. С путями хоббитов или других смертных они мало связаны. Но если уж тропы наши пересекаются, то вряд ли случайно. Зачем мы встретились, я не знаю и поэтому опасаясь сказать лишнее.

– Я благодарен тебе и за ночлег, и за совет, – сказал Фродо. – И все-таки опять прошу: расскажи о Всадниках. Вдруг я еще долго не увижу Гэндальфа, надо же знать, что за напасть за мной гоняется.

– Я же сказал: они – слуги Врага! Разве тебе этого мало?! – воскликнул Гилдор. – Беги от них! Не говори с ними ни в коем случае! Они смертельно опасны. И не спрашивай меня о них. Скажу только, что в конце своей дороги Фродо, сын Дрого, будет знать об этих тварях куда больше Гилдора Инглориона. Да охранит тебя Элберет!

– Кругом опасность! Где же мне взять мужества, чтобы справиться со всем? – жалобно вздохнул Фродо.

– Знаешь, мужество прячется в самых неожиданных местах, – улыбнулся эльф. – Надейся на лучшее. А теперь спи. Этой ночью забудь об опасностях. Утром мы уйдем, но весть о тебе

разойдется по нашим землям. Странники в Среднеземье узнают о твоём пути, и сильные будут готовы помочь. Я нарекаю тебя Другом Эльфов, да воссияют звезды в конце твоего пути! Мы редко бываем рады чужим, но ты доставил нам радость знанием древнего наречия и чистой душой.

Фродо хотелось ответить, но с последними словами Гилдора на него неудержимо стал наваливаться сон.

– Я совсем засыпаю, – заплетающимся языком проговорил он. Эльф проводил его под деревья к Пиппину. Хоббит упал на приготовленное ложе и тут же провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава IV

Самая короткая дорога к грибам

Прекрасно выспавшийся Фродо открыл глаза. Он лежал под деревом в удобной постели из папоротника и душистых трав. Сквозь трепещущую зеленую листву пробивалось солнце. Фродо вскочил на ноги и выбрался из-под ветвей. Неподалеку сидел Сэм, рядом с ним стоял Пиппин и подозрительно изучал ясное небо. Эльфов не было и следа, словно они приснились накануне.

– Вот, оставили фрукты, питье и хлеб, – как-то растерянно сказал Пиппин. – Можешь завтракать. Хлеб не хуже вчерашнего. Я бы все съел, да Сэм остановил.

Фродо присел рядом с Сэмом и принялся за еду.

– Какие у нас планы на сегодня? – осведомился Пиппин.

– Попасть в Скочку, и как можно быстрее, – промямлил Фродо с набитым ртом.

– Всадников, что ли, опасаясь? – беспечно спросил Пиппин. Под ясным небом и утренним солнышком его, похоже, не пугала встреча с целым отрядом этих мрачных созданий.

Фродо нахмурился и ничего не ответил. Молча пожевал и все-таки выдал из себя:

– Я хочу перебраться на тот берег и надеюсь сделать это без их помощи.

– Ты что-нибудь узнал от Гилдора?

– Да так, ничего особенного, – попытался уйти от ответа Фродо.

– А чего они нюхают все?

– Да не говорили мы про это.

– Вот и напрасно, – назидательно заметил Пиппин. – Ведь это может быть важно.

– Ах, отстань, пожалуйста, – скривился Фродо. – Я уверен, не стал бы Гилдор об этом говорить. Дай поесть спокойно. И потом, мне подумать надо.

– Это за завтраком-то? – удивился Пиппин, но все же прекратил расспросы и отошел к краю поляны.

Фродо не радовало утро. Оно было каким-то очень уж ясным, а внутри у него еще жил вчерашний страх. Он вспомнил совет Гилдора и с болью посмотрел на бегущего по зеленой траве, весело распевającego Пиппина. «Нет! Как же я могу? – сказал он себе. – Одно дело взять их на прогулку по Ширу, где можно слегка устать, слегка проголодаться, а еда и постель ждут тебя неподалеку, и совсем другое – увести в изгнание, где можно устать и проголодаться насмерть. Бильбо оставил наследство мне одному. Даже Сэма, наверное, я брат не вправе». Он поглядел на Сэма и встретил в ответ его внимательный взгляд.

– Вот, Сэм, – сказал он ему. – Я уйду из Шира, и чем быстрее, тем лучше. Наверное, даже в Заскочье не смогу задержаться...

– Ну и хорошо, сударь, – спокойно ответил Сэм.

– Ты все еще намерен идти со мной?

На лице Сэма появилось недоуменное выражение.

– Это ведь опасно, Сэм, очень опасно. Едва ли нам придется вернуться назад.

– Уж если вы не вернетесь, так я и подавно, – сказал Сэм. – Они мне говорят: «Не остав-
ляй его!» Как это я оставляю? Пойду, говорю, с ним, даже если он на луну полезет. А попробует
его какой Черный Всадник остановить – будет иметь дело со мной! Так им и сказал, а они –
смеяться...

– Постой! Кто они? О чем ты толкуешь?

– Да эльфы же! Я тут с ними поговорил прошлой ночью. Они ведь знали, что вы уходите,
так я их и разубеждать не стал. Дивный народ эти эльфы!

– Верно, – согласился Фродо. – Они тебе не разонравились, когда ты на них вблизи
посмотрел?

– Что им до моих «нравится, не нравится», – как-то задумчиво проговорил Сэм. – Что
бы я ни думал, все равно они не такие... Древние, а в то же время – юные, веселые и печальные
тож. Такие как есть, по-другому не скажешь, – неожиданно закончил он.

Фродо изумленно смотрел на Сэма, словно ища зримых следов перемены, произошедшей
с его садовником. И голос, и слова были совсем не Сэмовы. Но перед ним стоял все тот же
простоватый Сэм Гэмджи, которого он знал давным-давно, правда, лицо у него было непри-
вычно серьезное...

– Ладно, – сказал Фродо, – вот ты их и увидел. Зачем теперь дальше идти?

Сэм все так же задумчиво посмотрел в глаза хозяину.

– Именно теперь и надо мне идти. Это все прошлая ночь, сударь. Я не знаю, что со мной
такое случилось, да только будто мне кто показал, как оно завтрева будет. Знаю – долго нам с
вами идти, знаю – во тьму идем, а назад дороги нет. Эльфы ли, драконы, или там горы – все
это, наверное, будет, но у меня дело впереди, там где-то, сам не пойму где, только не в Шире.
Сделать я его должен, значит, если вы понимаете, про что я говорю...

– Конечно, не понимаю, – честно признался Фродо. – Одно вижу: Гэндальф не ошибся,
выбирая мне товарища. Я его выбором доволен, и пойдем мы вместе.

После завтрака Фродо позвал Пиппина. Тот примчался чуть ли не на одной ножке.

– Ты готов? – осадил Фродо резвящегося приятеля. – Идти надо. Долго мы проспали,
когда теперь нагоним?

– Ничего себе – проспали! – возмутился Пиппин. – Я раным-рано встал, а теперь жду и
жду, пока ты кончишь думать да завтракать.

– Кончил уже и то и другое. Надо побыстрее попасть к Перевозу, поэтому я не хочу на
дорогу возвращаться, лучше напрямик пойдем.

– Да кто же здесь напрямик ходит? – удивился Пиппин. – Ты же не птица!

– Птица не птица, а по дороге тащиться незачем, – серьезно ответил Фродо. – Смотри.
Дорога забирает влево, в обход Марей, а возле Крепи пересекается с проселком, который от
Моста идет. А если напрямик, прямо к Перевозу, четверть пути сэкономить можно.

– Короткий путь не всегда самый ближний, – возразил Пиппин. – Идти придется по ува-
лам, ближе к Марям – болота, и вообще, знаю я эти места! На то и дороги, чтобы по ним
ходить. А если ты про Черных Всадников думаешь, так это еще посмотреть: в лесу с ними
встретиться – хорошего мало.

– В лесу нас еще найти надо. – Видно было, как нравится Фродо идея сократить путь. –
А на дороге нас точно ждать будут.

– Эх, была не была! – неожиданно легко сдался Пиппин. – Полезем по оврагам. А я-то
рассчитывал заглянуть вечерком в «Золотого Пескаря». Лучше пива во всей Восточной Чети
не найти.

– Тем более! – с воодушевлением подхватил Фродо. – Уж где бы мы точно застряли, так это в «Пескаре», а нам во что бы то ни стало надо в Скочку попасть до захода. А ты, Сэм, как считаешь?

– Я с вами пойду, сударь, – храбро отвечал Сэм, отчаянно тоскуя по лучшему пиву в Восточной Чети и стараясь не выдать разочарования.

– Ну и ладно, – не стал спорить Пиппин. – Хотите через болота да колючки пробираться – дело ваше. Вперед!

Сильно парило. Хоббиты спустились с холма и тут же попали в чашу. По расчетам Фродо, оставляя Задоры слева, они довольно скоро должны были выйти в луга, а там по прямой (ну, попадутся одна-две канавы – подумаешь!) и до Перевоза недалеко. Всего-то миль восемнадцать.

Однако довольно быстро заросли заставили его усомниться в правильности принятого решения.

Вдруг поперек дороги обнаружился ручей, текущий в глубоком овраге, с берегами, поросшими ежевикой. Овраг было не перепрыгнуть, а вниз лезть не хотелось. Волей-неволей пришлось остановиться.

– Ну вот и первая остановка, – проворчал Пиппин.

Сэм оглянулся. В просвете меж деревьев виден был гребень холма, покинутый ими недавно.

– Ой! Смотрите-ка, – схватив Фродо за руку, прошептал он. Фродо резко оглянулся. На вершине холма, четко рисуясь на фоне голубого неба, застыл мрачным изваянием черный конь. Рядом с ним, пригнувшись к земле, медленно двигался знакомый черный силуэт. Фродо не раздумывая бросился в самые заросли ежевики, увлекая спутников за собой. Скатившись на дно оврага, они отдышались.

– Так и так неладно, – выговорил Фродо. – Но по-моему, мы вовремя смылись. Ну-ка, Сэм, послушай, как он там?

Сэм напряженно вслушался. Хоббиты, чтобы не мешать ему, перестали дышать.

– Вроде тихо, – прошептал Сэм. – Ну уж сюда-то он с конем не ползет.

Однако и хоббитам пришлось нелегко. На дне оврага было душно, колючки намертво вцеплялись в котомки, а под ногами хлюпало. Пока выбрались на относительно просторное место, успели исцарапаться, взмокнуть сверху и намокнуть снизу, а вдобавок немножко потеряли направление. Правда, ручей становился все мельче, а берега его – все ниже.

– Э-э, да это Скрепка, – сообразил Пиппин. – Нам надо на тот берег и правее взять.

Противоположный берег был безлесым. За ровным пространством, поросшим кое-где сухим камышом, в отдалении виднелись дубы. Хоббиты поспешили добраться до них. Здесь идти стало несравненно легче, подлесок исчез, зато из-за быстро густевших деревьев впереди ничего не было видно. Все чаще попадались вязы, ясени. По вершинам пролетел один порыв ветра, за ним другой, небо нахмурилось, и вдруг закапал дождь. Пока хоббиты поглядывали вверх, прикидывая, что будет дальше, дождь припустил и через минуту хлынул потоком. Тут уж стало не до разговоров. Хоббиты заторопились, не переставая озираться по сторонам. Примерно через полчаса Пиппин остановился.

– Нам пора бы выйти на чистое место, – немного растерянно произнес он. – Лес-то неширокий, как я помню, не больше мили.

– Нет уж, петлять – последнее дело, – сказал Фродо. – Пойдем, как шли. А потом, знаешь, меня пока не тянет на открытые места.

Они прошли еще пару миль. Дождь поутих, кое-где в разрывах туч проглядывало чистое небо. Путники выбрали вяз пораскидистее и решили перекусить. Под ветвями с пожелтевшей, но густой еще листвой было уютно и почти сухо. Первым делом достали фляги и обнаружили

приятный сюрприз. Эльфы наполнили их светло-золотистым напитком, обладавшим привкусом меда и удивительно освежающим. Очень скоро путники и думать забыли про дождь и Черных Всадников. Теперь цель казалась им близкой, а дорожные трудности – пустяками. Фродо, поев, прислонился спиной к стволу вяза и прикрыл глаза. Сэм и Пиппин начали напевать вполголоса:

*Эгей! Бутылку я припас! А ну, хлебнем до дна!
Она согреет сердце нам, хотя и холодна!
Она прогонит грусть из глаз и силу даст рукам,
Поднимет враз и пустит в пляс, забросит к облакам!
Пусть ветер свищет злую весть и пусть грозит бедой –
Не унываю, если есть бутылка не с водой!*

Они снова было затянули, уже погромче, «Эгей! Бутылку я припас!» и вдруг замолчали. Фродо вскочил. Ветер донес протяжный, леденящий кровь вой. Звук поднимался, падал и обвалился на жуткой пронзительной ноте. Не успели хоббиты прийти в себя, как издали донесся ответный вой, более слабый из-за расстояния, но такой же жуткий. А потом наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев в кроне вяза.

– Что бы это могло быть? – Пиппин старался говорить беспечно, но голос не слушался его и предательски дрожал. – Вроде как птица, только я таких в Шире до сих пор не слышал.

– Это не зверь и не птица, – проговорил Фродо. – Там были какие-то слова. Кто-то кричал, и ему ответили. Только хоббиты так не кричат.

Больше они не говорили. Если кто из них и подумал о Всадниках, вслух поминать не стал. Надо было бы двигаться дальше, но они не решались. Однако не дожидаться же здесь ночи! Если уж идти, то лучше по свету. Видно, эта мысль пришла всем троим одновременно. Хоббиты быстро увязали котомки и пошли.

Вскоре лес кончился. Оказавшись в лугах, путники быстро сообразили, насколько они забрели к югу. Теперь холм за рекой, на котором располагалась Скорча, виднелся далеко слева. Путь к нему пролегал по совершенно открытой местности...

Страшно было выйти из-под защиты леса. Фродо несколько раз обернулся, ожидая увидеть сзади зловещий силуэт, но пока все было спокойно. Солнце, выпутавшись из облаков, прогоняло тревогу, и скоро страх отпустил хоббитов. К тому же стали попадаться следы жилья. Скоро они уже шли ухоженными полями, перепрыгивая дренажные канавы и перелезая через изгороди. Их окружал мирный, знакомый Шир; Река с каждым шагом становилась ближе, а Черные Всадники казались какими-то лесными призраками, оставленными позади.

Миновав большое поле, засаженное репой, путники очутились перед крепкими воротами. Плотная утрамбованная дорожка вела от них к постройкам в глубине. Пиппин остановился.

– Знакомые ворота, – сказал он. – Это ж усадьба Мэггота.

– Ну вот, новая напасть, – упавшим голосом отозвался Фродо. Он смотрел на симпатичную дорожку за воротами так, словно она вела напрямиком в логово дракона. Пиппин удивленно посмотрел на друга.

– Чем тебе плох старый Мэггот? – спросил он. – Это добрый друг Брендискокам. Конечно, псы у него – звери, так ведь граница недалеко, здесь иначе нельзя.

– Наверное, нельзя, – сконфуженно сказал Фродо. – Знаю я его собак. Это бы ничего, а вот что они меня знают – это хуже. Понимаешь, я к нему за грибами лазил, а он ловил меня не единожды, еще когда я мальчишкой был несмышленным. В последний раз выдрал он меня, а потом показал собакам и говорит: «Гляньте на него, волки! Если этот шалопай еще раз здесь

появится, можете его съесть. А пока проводите вон!» И что ты думаешь? Довели они меня до Перевоза, только что пинка не дали, а тронуть – не тронули.

Пиппин расхохотался.

– Тогда пойдем мириться, – предложил он. – Ты же собираешься жить тут, а старый Мэггот в самом деле неплохой сосед, если, конечно, не зариться на его грибы. Ладно, положишься на меня. Они с Мерри друзья, мы не раз здесь бывали. Пойдем.

Они пошли по дорожке, и вскоре из-за деревьев показались крытые соломой кровли надворных построек. Мэгготы, как, впрочем, и большинство здешних жителей, издавна жили в домах. Усадьба – большой жилой дом – была сложена из потемневшего от времени кирпича и обнесена высоким забором. Тропинка подвела хоббитов прямо к внутренним воротам, но стоило Пиппину коснуться калитки, как за ней раздался оглушительный лай и чей-то голос крикнул:

– Хват! Клык! Волк! Куси его, собачки!

Фродо и Сэм замерли, а Пиппин храбро сделал несколько шагов, но в конце концов тоже остановился. Три огромных пса мчались навстречу. Сэм так и сел возле забора. Псы, больше похожие на волков, не обратили на Пиппина никакого внимания. Два из них занялись Сэмом: тщательно обнюхав незнакомца, они встали справа и слева, и малейшее движение помертвевшего Сэма сопровождалось рычанием, не оставляющим сомнений в серьезности их намерений. Третий пес, самый большой и свирепый на вид, преградил дорогу Фродо. К счастью, вслед за собаками показался и хозяин. Это был пожилой хоббит на редкость крепкого сложения с красным, обветренным лицом. Еще издали он не совсем дружелюбно поинтересовался:

– Кого это к нам принесло? – а подойдя поближе, выразился еще определеннее: – Что надо?

– День добрый, господин Мэггот! – поздоровался Пиппин.

Хозяин взгляделся.

– О! Да никак мастер Пиппин собственной персоной! Стало быть, почтенный Перегрин Тук пожаловал. Давненько вас не видно. – Мэггот вроде бы собрался улыбнуться, но раздумал. – По правде сказать, ваше счастье, что мы знакомы, а то я решил спускать собак на всех прохожих. То ли мы к Реке слишком близко живем, – покачал он головой, – то ли просто у нас место такое, что каждый встречный-поперечный норовит своим визитом осчастливить, но уж таким дурным, как этот малый, я по своей земле шастать не дам.

– О ком это вы? – насторожился Пиппин.

– Ха! Так он вам не встретился? – удивился хозяин. – Навестил меня тут один перед вами. Отродясь таких чудиков не видал, и вопросы он странные задавал. Да чего ж мы тут стоим? Пойдемте-ка в дом, посидим, новости обсудим. Эль у меня нынче удался опять же. Пошли, пошли, мастер Тук, и друзей ваших зовите.

Хозяину, похоже, было что рассказать.

– А как насчет собачек? – с беспокойством спросил Фродо.

– Уладим, – рассмеялся Мэггот. – Пока я не скажу, они не тронут. – Эй, Хват, Клык! Ко мне! – позвал он. – Ко мне, Волк!

Собаки нехотя отошли. Пиппин представил спутников.

– Господин Фродо Сумникс, – сказал он. – Вы его, может, не помните, он одно время в Брендинорье жил.

Хозяин вздрогнул и внимательно посмотрел на Фродо. «Все, – похолодел Фродо, – о грибах вспомнил! Сейчас собак спустит!» Однако Мэггот дружески протянул руку.

– А уж это и вовсе чудеса! – воскликнул он. – Господин Сумникс, значит? Да, дела... Ну, пошли в дом. Надо поговорить.

Вскоре все расселись у очага в просторной кухне усадьбы. Хозяйка принесла пиво в огромном жбане, и, когда гости отхлебнули из кружек, Пиппин восхищенно причмокнул и

перестал жалеть о «Золотом Пескаре». Пиво у Мэггота действительно удалось отменное. Сэм так не считал, хотя язык говорил ему обратное. Он вообще не склонен был доверять тем, кому пришла в голову блажь жить за пределами Хоббитона. А уж о дружеском расположении к хозяину усадьбы, поколачивавшему (пусть давно) его хозяина, и речи быть не могло.

Сперва, как водится, поговорили о погоде и видах на урожай (и то и другое не сильно отличалось от всегдашнего). Потом Мэггот отодвинул кружку и поочередно оглядел своих гостей.

– Так я не понял, мастер Перегрин, откуда и куда вы направляетесь. Ведь не меня же навестить зашли. А если меня, то как на зады попали?

– Тут вот какое дело, мастер Мэггот, – начал Пиппин, – мы ведь вашими полями шли. А все почему? Можете себе представить: хотели напрямик к Перевозу выйти и заплутали.

– Когда спешишь, по дороге быстрее, – назидательно произнес хозяин. – Впрочем, это не моя забота. И оправдываться нечего. Вам-то не надо меня спрашивать, чтобы моими полями пройти. Да и вам, господин Сумникс, – обратился он к Фродо. – Ходите себе на здоровье. Хотя, – Мэггот выдержал паузу, – грибы-то небось по-прежнему любите, а? Как же, как же! Я ведь еще не обеспамятел. Помню одного молодого разбойника в Заскочье, Фродо звали... и фамилия – Сумникс. Даже если бы и забыл, фамилию-то, – фермер прищурился, – было кому напомнить. Да я не о грибах. Дело прошлое. Фамилию вашу я услышал минут за десять до вашего прихода. – Хоббиты вытаращили глаза. – О чем, по-вашему, допытывался у меня этот чужак? – Хозяину, похоже, нравилось обстоятельно входить в подробности рассказа. – Явился он верхом. Конь здоровенный, черный такой. А ворота некстати открыты были. Ну, он прямо к двери. Плащ на нем тоже черный да с капюшоном, лица не видать. Я подумал: «Может, беглый какой? Чего его в Шир занесло?» У нас тут Верзилы и не бывают почти, а таких и подавно не видывали. Вышел я к нему, поздоровался и говорю: «Вам куда бы ни ехать, сударь, все одно – не по этой дороге». Большак во-он там, говорю, вертайтесь, здесь вам делать нечего. Уж очень мне вид его не понравился. К тому ж Хват выскочил да, не гавкнув, попятился, хвост поджавши, и удрал в дом. А этот черный и внимания не обратил. «Я, – говорит, – оттуда пришел». И показывает, злодей, на мои же поля! Каково? А потом нагнулся и шипит: «Сумникса не видели?» Меня аж озноб пробрал. Да только мало ли кто капюшон на себя наденет! Это не причина, чтобы по моим полям шастать. «Отваливай! – говорю ему. – Нету здесь Сумниксов и отродясь не было. Это в Хоббитон надо ехать. Да по дороге, а не полями». А он опять шипит: «Ушел Сумникс. Скоро здесь будет. Мне нужен. Когда придет – скажешь. Золото привезу». «Катись ты со своим золотом, – говорю, – да побыстрее. А то сейчас собак крикну!» Он усмехнулся вроде, да ка-ак коня пришпорит! Я еле отскочить успел, а уж он в ворота, раз – и нет его. По проселку как молния черная шархнула. Что вы на это скажете, господин Сумникс?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.